

Научная статья

УДК: 93/94(470.6)

DOI: 10.31007/2306-5826-2025-3-66-7-35

ФОРМЫ ИНТЕГРАЦИИ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В СОСТАВ РОССИИ (XVI – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX в.): СОВРЕМЕННЫЙ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ДИСКУРС*

Касболат Фицевич Дзамихов^{1,2✉}, Елена Георгиевна Муратова^{1,2}

¹ Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия

² Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия

casbolat2013@yandex.ru ✉, <https://orcid.org/0000-0003-4920-6221>

lena_gm@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6803-6884>

© К.Ф. Дзамихов, Е.Г. Муратова, 2025

Аннотация. В статье представлен концептуальный анализ новейших исследований, посвященных различным вопросам политико-правовой интеграции народов Северного Кавказа в состав России в XVI–XIX вв. Интегральные оценки истории российско-кавказских отношений рассмотрены в современном научном дискурсе с опорой, прежде всего, на обобщающие труды по истории отдельных народов региона и работы специалистов в этой предметной области. Особое внимание уделено терминологическим поискам в определении процесса освоения Кавказского региона Российским государством (присоединение, вхождение, союзничество), хронологии и периодизации этого процесса. Показано, что становление новейшей кавказоведческой историографии характеризуется различными подходами к выявлению ключевых факторов и процессов в решении проблемы: «Россия и народы Северного Кавказа в XVI–XIX вв.».

Ключевые слова: историография, источниковедение, Россия и народы Северного Кавказа, вхождение в состав России, присоединение, союзничество

Для цитирования: Дзамихов К.Ф., Муратова Е.Г. Формы интеграции народов Северного Кавказа в состав России (XVI – первая половина XIX в.): современный историографический дискурс // Вестник КБИГИ. 2025. № 3 (66). С. 7–35. DOI: 10.31007/2306-5826-2025-3-66-7-35

Original article

FORMS OF INTEGRATION OF THE PEOPLES OF THE NORTH CAUCASUS INTO RUSSIA (16TH – FIRST HALF OF THE 19TH CENTURIES): CONTEMPORARY HISTORIOGRAPHICAL DISCOURSE

Kasbolat F. Dzamikhov^{1,2✉}, Elena G. Muratova^{1,2}

¹ Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia

* Для рассмотрения избраны обобщающие работы, а также наиболее значительные в концептуальном отношении труды, которые анализируются в тесной связи с общим состоянием развития современной региональной исторической науки.

² Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia
casbolat2013@yandex.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0003-4920-6221>
lena_gm@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6803-6884>

© K.F. Dзамikhov, E.G. Muratova, 2025

Abstract. The article presents a conceptual analysis of the latest research devoted to various issues of the political and legal integration of the peoples of the North Caucasus into Russia in the 16th–19th centuries. Integral assessment of the history of Russian-Caucasian relations is considered in a modern scientific discussion, relying primarily on generalizing works on the history of individual peoples of the region and the work of specialists in this subject area. Special attention is paid to terminological searches in defining the process of development of the Caucasus region by the Russian state (annexation, entry, alliance), the chronology and periodization of this process. It is shown the development of modern Caucasian historiography is characterized by various approaches to identifying key factors and processes in solving the problem: “Russia and the peoples of the North Caucasus in the 16th–19th centuries.”

Keywords: Historiography, source studies, Russia and the peoples of the North Caucasus, inclusion in Russia, annexation, alliance

For citation: Dзамikhov K.F., Muratova E.G. Forms of integration of the peoples of the North Caucasus into Russia (16th – first half of the 19th centuries): contemporary historiographical discourse. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2025; 3 (66): 7–35. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2025-3-66-7-35

Структура современных общественных запросов позволяет считать, что в научном и общественном дискурсе сохраняется потребность нового осмысления проблемы образования и развития многонационального Российского государства, понимания закономерностей и особенностей совместного развития различных народов в составе единой державы. Важнейшее значение в научном и общественно-политическом плане имеют исследования истории дружественных взаимоотношений народов, населяющих Российскую Федерацию. Именно такие примеры истории могут иметь воспитательное значение и положительно влиять на характер сегодняшних и будущих национальных отношений.

Современная историческая наука имеет определенный опыт историографического исследования поставленной проблемы. Неизменным остается одно: изучение методов и способов включения в политическую орбиту Российского государства различных северокавказских народов необходимо вести на основе общепринятых принципов научного исследования, прежде всего – принципа историзма. Он предполагает, что суждения, оценки и выводы исследований должны строиться только на основе исторических источников, несущих информацию об изучаемой эпохе, с обязательным учётом конкретно-исторических условий, в которых происходило развитие изучаемого явления.

Кардинальные изменения в осмыслении проблем взаимоотношений России с народами Северного Кавказа в новейшее время произошли в конце 1980-х гг. Всесоюзные конференции этого периода свидетельствовали о том, что, во-первых, резко усилился общественно-политический резонанс выступлений профессиональных историков, во-вторых, внутри научного сообщества наметилась явная идеологическая и политическая дифференциация, и, в-третьих, произошла масштабная переоценка фактов, явлений и процессов нашего исторического прошлого [Национальный вопрос 1989; Российское многонациональное 1995].

Особое внимание привлекли выступления В.П. Крикунова и А.П. Новосельцева в редакции журнала «Вопросы истории». Они акцентировали внимание на том, что ряд отступлений от исторической правды в прошлом диктовался историкам сверху, местными или центральными властями. Такое положение вызывало всплеск торжественных всенародных юбилеев, обычно вне зависимости от реальной истории и проходивших под вывеской «сплошной добровольности» [Национальный вопрос 1989: 41–42, 54–56]. В.П. Крикунов предлагал отказаться от

термина «добровольное вхождение», поскольку он был пронизан духом антиисторизма. Исследователь отмечал, что «если добровольное присоединение в том или ином виде имело место в какой-то конкретной ситуации, то добровольного вхождения как процесса длительного, с ломкой экономической и социальной структуры, традиций и уклада жизни, религии и национальной культуры быть просто не могло. Такой процесс обязательно в каких-то слоях встречал сопротивление, вызывая у кого-то недовольство, так как задевал интересы многих» [Национальный вопрос 1989: 41–42]. Он предложил разработать четкую систему характеристик процесса складывания Российского многонационального централизованного государства.

Конференция, состоявшаяся в ноябре 1989 года в Звенигороде, собрала много видных историков России, союзных и автономных республик СССР. В докладах С.Г. Агаджанова, В.Л. Егорова, А.Н. Сахарова, А.А. Преображенского, Р.Г. Кузеева говорилось о методологии и методике дальнейшего изучения основных проблем истории образования и развития многонационального Российского государства, в том числе: об отказе от адаптивной интерпретации исторически сложных неоднозначных актов добровольного присоединения; необходимости выработки историко-типологических моделей складывания Российского многонационального государства; были обозначены, но в достаточно условном смысле и три основных типа: мирный, военный и колонизационный и т.д. [Российское многонациональное 1995: 6–48]. С.Г. Агаджанов обращал внимание на то, что в процессе образования Российской империи имели место все указанные формы, которые часто носили смешанный характер [Российское многонациональное 1995: 10–11]. А.А. Преображенский рассматривает проблему присоединения народов к России как «многоликий и нередко длительный процесс». По его мнению, «неоднозначно было практическое осуществление «присоединения» – оно могло быть мирным или насильственным» [Российское многонациональное 1995: 46–47]. Эти моменты были раскрыты на конкретно-историческом материале Р.Г. Кузеевым (русско-башкирские отношения), М.М. Блиевым (русско-осетинские отношения), В.Г. Сарбей и Г.А. Саниным (русско-украинские отношения), Ж.А. Аваньян (русско-армянские отношения), Р.Г. Маршаевым (русско-северокавказские отношения), В.Б. Виноградовым и С.Л. Дударевым (русско-вайнахские отношения), К.Ф. Дзамиховым (русско-кабардинские отношения) и т.д. [Российское многонациональное 1995: 49–141].

Я.З. Ахмадов в докладе, посвященном проблемам присоединения народов Чечено-Ингушетии к России, предлагал упорядочить понятия «присоединение» и «вхождение». Он обращал внимание, что за точку отсчета берется присяга в «русское подданство» того или иного феодального владения или общества. «Но принесение подобных присяг объяснялось зачастую такими причинами, которые вовсе не вызывались стремлением субъектов присяги, действительно стать частью России». Он предлагает учитывать реальности присоединения. «Если та или иная территория попадает под юрисдикцию административных органов России, – говорил Я.З. Ахмадов, – то, это реальное присоединение, все, что было до этого, просто взаимоотношения» [Российское многонациональное 1995: 58–59].

Р.Г. Маршаев в своем докладе на конференции развивал положения, выдвинутые в исторической литературе еще в 1950–1960-е гг. «Договор об учинении в подданстве», призванный регулировать взаимоотношения Русского государства с народами Северного Кавказа, исключал, по его мнению, возможность вмешательства Москвы во внутреннюю автономию народов. В каждом конкретном случае содержание договора и его терминология, по Р.Г. Маршаеву, отражали характер сложившихся отношений России с народами. Он считал, что обращения по поводу «службы» и «подданство» часто были вызваны общенародными нуждами, и шерсть давалась не только представителями феодальной знати от себя, но и «от

всего подвластного народа». Совершенно справедливо он обращал внимание на то, что «для некоторых народов Кавказа, в частности для кабардинцев, армян и грузин, определенные обстоятельства диктовали необходимость добровольного союза с Россией». Были и другие формы, когда в определенные периоды истории, например, дагестанский шамхал в XVII в. или калмыцкий тайша в конце XVII – начале XVIII в. принимали одновременно наряду с «подданством» Москве и «подданство» османского султана или персидского шаха [Российское многонациональное 1995: 125]. Что касается дагестанских этнополитических образований, то Р.Г. Маршаев повторял положение 1960-х гг.: в 1786 г. в подданство России отошло шамхальство; в 1793 г. в русское подданство вступили Дербентское ханство, Аварское ханство, Сурхайхан Казикумухский, 1789 г. – уцмийство Кайтагское и Табасаранское майсумство. «В октябре 1813 г. был подписан Гюлистанский мир, по которому Персия признала за Россией Дагестан» [Российское многонациональное 1995: 126–127]. В целом, изложенная схема имела место и в материалах конференции «Дагестан в составе России: исторические корни дружбы народов России и Дагестана (26–27 ноября 1987 г.). Большинство участников конференции тогда отстаивали точку зрения о присоединении Дагестана к России в результате заключения Гюлистанского мира 1813 г. Н.А. Сотавов считал, что «Кючук-Кайнарджийский договор 1774 г., юридически оформивший безраздельный приоритет России на Северном Кавказе, создал предпосылки для присоединения к ней Чечни в 1781 г., Грузии и юго-восточной Осетии в 1783 г., и вхождения всего Северного Кавказа в состав России в 1813 г.» [Российское многонациональное 1995: 24].

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. в вопросе о типологии и периодизации русско-кавказских политических отношений определенные корректировки предложили В.Б. Виноградов и С.Л. Дударев. Первостепенным они считают учет внешнеполитического фактора, «нарастающие тенденции воздействия политики феодально-великодержавной практики царской России на горцев», а также «внутренние обстоятельства и процессы, определяющие роль вайнахов в качестве деятельного субъекта» в ходе сложного, противоречивого и хронологически длительного пути интеграции с Россией. Сельские общества вайнахов (50-е годы XVI в. и вплоть до начала XVIII в.) характеризуются как находящиеся «в догосударственных условиях генезиса феодализма». Размещаясь в «предгорно-высокогорной зоне», они, по мнению названных авторов, остались в стороне от фактического воздействия таких внешнеполитических сил, как Османская Порта, Крымское ханство, шахская Персия. В отличие от них у переселенцев на равнину (вероятно, имеется ввиду немногочисленная группа окохов – К.Д., Е.М.) постепенно складывается ориентация на Московскую Русь. «Вожаки вайнахских обществ» вступают под «верховную власть» московского царя через «посредство тех или иных форм политических партнеров и зависимости от грузинских царей, аварских, кабардинских и других князей». После Кючук-Кайнарджийского договора 1774 г., определившего новые внешнеполитические условия, характер взаимоотношений вайнахских обществ с российской администрацией существенно изменился. Складывающийся тон взаимоотношений исследователи предлагают определить даже не как «протекцию» или «подданство», а как «вхождение в договорное подданство». Обращается внимание на неодинаковое понимание договорных обязательств горцами и царской администрацией, поэтому и разное понимание «формулы подчинения». Частое нарушение «верноподданнических присяг» с 1780-гг. объясняются историками «отсутствием у вайнахов развитых классовых форм международного правового регулирования и «потестарным уровнем институтов управления внутренней жизнью» [Российское многонациональное 1995: 129–133].

На конференции в Звенигороде (ноябрь 1989 г.), как и в последующих работах, К.Ф. Дзамихов обращал внимание на уязвимость концепции «добровольного присоединения» с точки зрения историзма. «Здесь как раз тот случай, – указывал он, –

когда авторы, раскрывавшие, таким образом, проблему шли от термина к явлению, а не наоборот. Это привело к подмене понятия «покровительство со стороны России» совершенно другим – «вхождение в состав этого государства» [Дзамихов 1994: 57–72]. На основе анализа большой группы документальных источников XVI – первой половины XVIII в. историк доказывает, что посольство из Кабарды в Москву в 1557 г. положило начало процессу сближения двух сторон. Прежде всего, это была собственная политическая инициатива Кабарды в лице наиболее влиятельной группировки господствующей феодальной знати. Сближение с Русским государством являлось актом сознательного и самостоятельного выбора, основанного на понимании своих жизненных интересов и на трезвой оценке реальной международной обстановки, сложившейся к середине XVI в. вокруг Кабарды. Это был взаимовыгодный договор о союзе, а не принятие в подданство, а тем более вступление в состав России. Союз не предусматривал включения территории кабардинцев во владения Русского государства, что имело место в 1552 г. в отношении Казани и 1556 г. в отношении Астрахани. Оформившийся в 1557 г. союз с Русским государством не прервал линию независимого политического развития Кабарды, не ограничил её самостоятельности в решении внутренних и внешнеполитических вопросов, напротив, он укрепил её позиции способствовал повышению её политического веса в регионе. К.Ф. Дзамихов считает, что с середины XVI в. из всех национальных окраин, которые взаимодействовали с Москвой, Кабарда имела особый статус. Она находилась «в службе и обороне», что означало покровительственный характер союза 1557 г. Он не укладывался в обычные нормы сюзеренитета, принятого на Востоке, с его ярко выраженной формой «покорности и условности инвеституры». Хотя по форме договор и был наделен атрибутами вассалитета, установившиеся отношения были защитно-покровительственными, базирующимися на признании взаимных прав и обязанностей. Кабарда «служит», но служит, будучи «в обороне». Москва обязана ее оборонять, в противном случае договор может быть расторгнут. Даже после перестройки российской дипломатии в начале XVIII века на европейский лад и заимствования многих западноевропейских дипломатических терминов и понятий, в грамоте Петра I «кабардинским владельцам и всему кабардинскому народу» (март 1711 г.) говорится: «...изволяем вас к себе в подданство и оборону принять» [Дзамихов 2007: 38–42].

По условиям Белградского договора 1739 г. специальная статья впервые за всю историю русско-турецких противоречий затрагивала спорный вопрос о Кабарде. Последняя была провозглашена «вольной» и должна была служить как бы «барьером» между державами. По мнению К.Ф. Дзамихова, в работах многих авторов, затрагивающих русско-турецкое противостояние на Северном Кавказе, присутствует односторонний подход. Он состоит в том, что в XVIII в. – первой трети XIX в. неизменно наступающей стороной представлялась лишь Османская Турция или шахский Иран, а позиция России объяснялась только ее стремлением достигнуть естественных морских рубежей (т.е. Азовского, Черного и Каспийского морей) в целях развития торговли в интересах государства. При таком подходе северокавказские народы рассматриваются только как объекты в противостоянии держав. Между тем, особую значимость имеет выяснение места и роли Кабарды и других горских народов как субъектов истории с учетом интересов их исторической перспективы в контексте политических взаимоотношений того времени [Дзамихов 1994: 60].

В результате заключения Кючук-Кайнарджийского договора между Россией и Османской Турцией в 1774 г. Кабарда была признана составной частью России. К.Ф. Дзамихов считает, что «как и в период Белградского договора, в данном случае Россия и Турция, определяя сферы своего влияния, делили не принадлежавшие им территории и суверенные народы». Он обращает внимание, что и в советской, и в новейшей историографии к оценке Кючук-Кайнарджийского

договора многие авторы подходят лишь с точки зрения научного экстраполирования. Это привело к тому, что взаимоотношения некоторых северокавказских этнополитических образований (Кабарды, Чечни, Ингушетии, Осетии) и России с 1774 г. стали трактоваться как процесс «окончательного присоединения» их народов к России, оформленный юридически вышеназванным договором. На самом деле субъектами Кючук-Кайнарджийского договора являлись лишь Османская Турция и Россия; специальная статья (21 артикул) из всех этнополитических образований региона касалась только Кабарды. К.Ф. Дзамиховым, таким образом, высказывается положение, что в ходе политической борьбы ведущих держав в XVIII – первой половине XIX в. северокавказским народам отводилась роль пассивных объектов. Об их правах и интересах вспоминали лишь в случаях заинтересованных споров между самими ведущими державами. Новейшая историческая и правовая литература сохраняет старый подход и стереотипы, позволяющие не принимать во внимание интересы всех сторон в конфликтах и войнах. Между тем, по мнению К.Ф. Дзамихова, с позиций историзма одной из задач научного анализа является выявление форм, в которых реализовалась историческая и политическая субъектность народов, вовлеченных в международные отношения своего времени.

Кючук-Кайнарджийский договор 1774 г. позволил Российской империи предпринять практические шаги к тому, чтобы Кабарда считалась её составной частью не только де-юре, но и де-факто. Одновременно договор должен был усилить российское влияние на тех, кто был связан вассально-данническими отношениями с Кабардой, на горские общества Балкарии, Осетии, Карачая, Ингушетии.

С конца 1770-х по 1820-е годы империя постепенно занимает кабардинские земли, на которых возводятся военные крепости и казачьи поселения. Традиционное самоуправление кабардинского общества меняется под воздействием российской военно-административной системы управления. Местное население мобилизуется на строительство военных коммуникаций и облагается обременительными податями. Все это вызывало антиколониальную борьбу, имевшую в обозначенный период разные течения и идейные лозунги. Итогом указанных процессов, по К.Ф. Дзамихову, явилось реальное присоединение Кабарды к России путем ее военного покорения к концу первой четверти XIX в. [Дзамихов 1994: 60–70]. В постсоветский период, используя достижения отечественной науки, К.Ф. Дзамихов в своих исследованиях разрабатывает концепцию военно-политического союза Кабарды с Россией (середина XVI – 70-е годы XVIII века) [Дзамихов 2000; Дзамихов 2001; Дзамихов 2007; Дзамихов 2017; Дзамихов 2018]. Он сформулировал методологические принципы подхода к этой проблематике.

Развал СССР, образование по соседству с северокавказским регионом независимых закавказских государств, провозглашенный руководством РФ во главе с Б.Н. Ельциным процесс «суверенизации» и в особенности «чеченский кризис» оказали непосредственное влияние на процесс этнизации исторического знания. Это привело к осязаемому усилению этноцентризма как исследовательского подхода. По мнению В.А. Тишкова, «фактически вся аргументация чеченского сопротивления (или чеченской революции) была построена на драматической презентации прошлого, Кавказской войны XIX в.» [Тишков 2001: 54]. К сожалению, в средствах массовой информации, исторической публицистике, различных изданиях отдельные представители чеченского социума и поддерживающие их заинтересованные зарубежные авторы стали характеризовать военные действия на территории Чечни как «вторую Кавказскую войну». Это резко политизировало изучение истории российско-кавказских отношений. На возвращение проблемы российско-кавказских отношений в академическое русло положительное влияние оказал коллективный доклад на тему «Россия и Северный Кавказ. 400 лет войны?», озвученный в октябре 1997 г. на заседании Ученого совета Института российской истории РАН [Россия и Северный Кавказ 1998]. Авторы акцентировали

внимание на спорных моментах в интерпретации проблемы присоединения народов Северного Кавказа к России. Во-первых подчеркивалось, что версия о присоединении северокавказских территорий в середине XVI в. не соответствовала реалиям того времени, поскольку «слишком отдалены были пока российские рубежи». Авторы, по сути, подвергли сомнению то, что на основании «прошений» о принятии «российского подданства» можно определить время включения той или иной территории в состав Российского государства. Более реальными критериями выступают результаты международных договоров (Кючук-Кайнарджийского, Ясского), в рамках которых, по их мнению, за Россией были юридически закреплены территории Кабарды и Северной Осетии (?), а в отношении Чечни и Дагестана – результаты Кавказской войны, так как они оставались неохваченными административной властью России. В докладе делается вывод, что «логика геополитического развития вынуждала империю приняться за окончательное и полное присоединение горских земель, оказавшихся со всех сторон окруженными российскими владениями» [Россия и Северный Кавказ 1998: 123–124]. Авторы доклада признали, что наряду с мирными формами включения в состав империи были задействованы и насильственные (военные) механизмы, но отвергли тезис о существовании многовековой перманентной войны между Россией и народами Северного Кавказа. Основные положения приведенного доклада, на наш взгляд, были близки идеям, обозначенным в ходе конференции «Российское многонациональное государство: формирование и пути исторического развития» [Российское многонациональное 1995].

С начала 2000-х гг. в стране складывается новая политическая ситуация, выстраивается властная вертикаль во взаимоотношениях между федеральным центром и субъектами, законодательство последних приводится в соответствие с основным законом РФ. Практика советских времен по использованию коммемораций для консолидации многочисленных народов, сплоченности субъектов с федеральным центром вновь оказалась востребованной, и с начала XXI в. юбилеи «добровольных вхождений» стали отмечаться в различных регионах. Историческая память в очередной раз выступила в роли «идеологических скреп», интегрирующих регионы и федеральный центр. По-прежнему инициатива в проведении юбилейных торжеств исходила от региональных властей. В случае одобрения памятных мероприятий федеральной властью местные элиты могли рассчитывать на дополнительное финансирование. Проведение исторических юбилеев позволяло им «обозначить» определенные региональные экономические и культурные достижения. Одновременно коммеморативные практики играли важную политическую роль в идеологической мобилизации населения, когда на основе разнообразных исторических публикаций обществу, в особенности молодому поколению, приводились позитивные примеры многовекового содружества, приведшие, в конечном итоге, к союзу и единению народов России. Таким образом в северокавказском регионе отмечались: 230-ти, 235-ти, 240-летие и 250-летие добровольного присоединения Осетии к России; 450-летие и 460-летие вхождения Кабарды в состав России; 190-летие принятия Балкарией российского подданства; 240-летие и 245-летие вхождения Ингушетии в состав России; 200-летие присоединения Дагестана к России; 200-летие добровольного вхождения Чечни в состав России и т.д.

В «Истории Дагестана с древнейших времен до наших дней» авторы использовали новый термин – «объединение» [История Дагестана 2004]. Отправной точкой «объединения» определено заключение «союза» 26 декабря 1802 г. в Георгиевске между владельцами Дагестана и Россией. Авторы полагают, что договор в Георгиевске стал «этапом в процессе присоединения Северо-Восточного Кавказа к России». А уже присоединение Казикумуха и Дарго в 1812 г. «завершило объединение Дагестана и России» [История Дагестана 2004: 453, 455, 464]. Наряду с этим в обобщающем труде приводится точка зрения авторитетного дагестанского

историка Р.И. Магомедова, который, по сути, соглашается со взглядами А.Л. Нарочницкого, а значит и с концепцией «Истории народов Северного Кавказа» (М., 1988. Т. I). Р.И. Магомедов считает, что вхождение большинства, если не всех, кавказских народов в состав России следует рассматривать не как единовременный акт или серию актов, а как процесс, причем довольно длительный (не менее двух с половиной веков). «Более верно считать Гюлистанский договор ... завершением объективных процессов XVI–XVIII вв.», – писал он [История Дагестана 2004: 470].

В «Истории многовековых взаимоотношений и единения народов Дагестана к России», приуроченной к 150-летию окончательного присоединения Дагестана к России приводится интересный материал по взаимоотношениям различных дагестанских политических образований с Россией в XVI–XVIII вв. Авторы ставят вопрос о складывании и укреплении «пророссийской ориентации». «Вхождение» Дагестана в состав России в XVII в. не состоялось, хотя многие дагестанские владетели и принимали присягу на верность русским царям» [История многовековых взаимоотношений 2009: 51]. Эпоху русско-дагестанских отношений с 1605 по 1722 г. в работе характеризуют как «век сотрудничества и взаимовыгодных торгово-экономических контактов Дагестана в целом с Россией». С периода присоединения прикаспийских территорий в 1722–1723 гг. «отличительную особенность» политической жизни народов Дагестана рассматривают как «более определенную ориентацию на Россию в ходе борьбы против иранского владычества и активное противодействие захватническим устремлениям Турции» [История многовековых взаимоотношений 2009: 64]. В обобщающем издании значение Гюлистанского договора определяется следующим образом: «Впервые международным договором было оформлено юридическое вхождение Дагестана в состав России, и Иран вынужден был признать этот факт, хотя народы Дагестана не признавали себя в его составе» [История многовековых взаимоотношений 2009: 147]. Окончательное, т.е. фактическое вхождение народов Дагестана в состав России связывается с пленением Шамиля в 1859 г. и покорением Восточного Кавказа [История многовековых взаимоотношений 2009: 159]. Говоря о последствиях Кавказской войны, в работе подчеркивается, что, «несмотря на насильственный характер интеграции в состав Российской империи, Дагестан получил мощный импульс для своего последующего развития» [История многовековых взаимоотношений 2009: 161].

Чеченская историография 1990-х гг. трактует процесс включения Чечни в состав России с позиции суверенного статуса республики. В этом плане показательным является раздел Я.З. Ахмадова «Взаимоотношения Чечни и России (вторая половина XVI – середина XIX в.)» в сборнике «Чеченцы: история и современность» [Чеченцы 1996]. Первый этап (вторая половина XVI – конец XVII в.) автор обозначает как складывание отношений между московскими царями и горскими князьями. Второй этап (начало XVIII в. – первая четверть XIX в.) характеризуется, по Я.З. Ахмадову, «возрастанием сугубо колониальных методов, открытой военной экспансией России на Северном Кавказе». Третий этап (30–50-е годы XIX в.) – «представлен войной между горским государством (имамат Шамиля) и Российской империей». Историк считает, что война закончилась в пользу России, «а территория Чечни «по праву меча» была захвачена и покорена». Важно, что Я.З. Ахмадов ставит вопрос об изучении «правовых аспектов взаимоотношений народов Кавказа с Россией». Чтобы рассмотреть и охарактеризовать международно-правовые аспекты статуса тех или иных государств и народов в тот или иной период, по мнению Я.З. Ахмадова, «следует рассматривать их в аспекте понятий и терминов того времени». Он дает схему для этапа установления «вассальных связей» между русскими царями и горскими владетелями: 1) обращение владетеля к царю с просьбой о «подданстве»; 2) его присяга местным русским воеводам; 3) посольство владетеля в Москву, связанное с торжественной аудиенцией и присягой на царском дворе; 4) выдача горскому князю царской жалованной грамоты

и выплата жалованья; 5) выдача владельцем заложника (аманата); 6) включение названия вассальной территории в царскую титулатуру. По Я.З. Ахмадову, «приобщение горских владений к Москве в феодальную эпоху» происходило не только путем прямого завоевания, но и таким же путем, каким в свое время присоединялись удельные русские княжества.

Поэтому он полагает, что в условиях конца XVI в. «отношения чеченских владельцев и союзы аулов с русскими царями» нередко носили объективно так называемый «союзнический» характер. Вместе с тем, согласно Я.З. Ахмадову, русско-чеченские отношения не протекали исключительно в формах мирного оформления отношения сюзеренитета – вассалитета. «Во-первых, горские князья не получали от русского царя никакого феода и им нечего было терять в случае отказа от службы в Москве, во-вторых, царизм в XVI–XVII вв. неоднократно подвергал горские земли широкомасштабным военным нападениям, в-третьих, горские владельцы заручались аналогичными соглашениями «покровительства» и со стороны крымского хана, турецкого султана, иранского шаха». Говоря о «мирных соглашениях» или «присягах о подданстве» между Россией и чеченцами, Я.З. Ахмадов считает их не правомочными, «их было принято сотни и тысячи, все они носили характер глубоко формального акта, на который обе стороны взирали как на временное явление». В конечном итоге, в XIX в. чеченцы, являясь «сильнейшим» народом, были покорены силой русского оружия, т.е. были завоеваны [Чеченцы 1996: 146–149].

В исследованиях Дж.Ж. Гакаева, И.М. Сигаури, Ш.А. Гапурова и др. также обосновывается точка зрения о завоевании Чечни царской Россией в первой половине XIX в. [Гакаев 1997; Сигаури 1997; Гапуров 2003а; Гапуров 2003б; Гапуров 2009; Гапуров 2013]. Ш.А. Гапуров считает, что взаимная заинтересованность чеченских обществ и русского государства привела к установлению между ними военно-политического союза в 1588 г. Дата определяется на основе обращения окоцкого владельца Ших-мурзы Ишеримова к царю Федору Ивановичу о желании служить: «... А отец мой мне приказывал: слово твое на голове держати и тебе служить ...». В последней четверти XVIII в. «царизм все более активно начинает переходить от союзнических отношений с чеченцами к их прямому подчинению». Строительство крепости Грозный в 1818 г. означало для чеченцев начало Кавказской войны [Гапуров 2013: 5].

Дж. Гакаев также ведет историю русско-чеченских отношений с посольства окохов в 1588 г., установившего дружеские отношения с Русским государством. В отличие от периода Московского царства Российская империя с XIX в. преследовала в регионе колониальные цели и уже не нуждалась в горцах «как в союзниках». В результате Чечня оказалась «на острие Кавказской войны» [Гакаев 1997: 18].

Состоявшаяся в 2005 г. всероссийская научная конференция «Чеченская республика и чеченцы: история и современность» определенным образом изменила вектор оценки русско-чеченских отношений в широких хронологических рамках [Чеченская Республика 2006]. Подверглась критике необоснованная идея о 400-летней истории перманентного вооруженного противостояния Чечни и России. Был сделан вывод, что «важнейшей составляющей истории чеченского народа в новое время являлись добрососедские взаимоотношения с русским и другими народами России, которые носили разнообразный характер». Ш.А. Гапуров критически подошел к обоснованию даты присоединения Чечни к России в 1807 г. и доказывал, что наиболее объективной в историческом плане является 1859 г. – год окончания военных действий на Восточном Кавказе [Гапуров 2006: 46]. Между тем, организаторы мероприятия по празднованию 200-летия вхождения Чечни в состав России на федеральном и республиканском уровне отталкивались от даты 1807 г., когда после очередного кровопролитного сражения ряд чеченских

владельцев принесли «верноподданническую присягу» генералу С.А. Булгакову [История Чечни 2006: 452–453].

На Московской конференции 2005 г. в выступлениях Ш.Б. Ахмадова и А.И. Хасбулатова ставился вопрос о более углубленной разработке вопроса о прогрессивных последствиях присоединения Чечни к России. Такая постановка была не нова в историографии, являясь важнейшей составляющей советского концепта «добровольного присоединения». По мнению этих историков, необходимо было дальнейшее расширение источниковой базы, выявление «узких мест» малоизученных тем [Чеченская Республика 2006: 55–87]. Т.А. Дидигов полагал, что «итоговый результат интеграции определяется степенью сохранения культурного, традиционного генофонда народа, созданием российским государством условий для его сохранения и развития» [Дидигов 2010: 3].

Определенный итог новейшей историографии по рассматриваемой теме подведен в обобщающем труде «История Чечни с древнейших времен до наших дней», первый том которого посвящен историческим событиям до конца XIX века. Русско-чеченские отношения излагаются в динамике по ключевым этапам: в 1588 г. окочане (чеченцы) добровольно приняли русское подданство; вторая половина XVIII в. стала переломным этапом, когда в 1771–1772 гг., 1788 г. присягают России разные чеченские общества со своими владельцами; годы правления А.П. Ермолова (1816–1826 гг.) – самая драматичная страница в истории Кавказа и Чечни, связанная с началом планомерного завоевания Чечни и Дагестана, установления самодержавно-колониального управления на этих землях. В таком развитии событий авторы видят вину царской России, которая, «с одной стороны, заключала с чеченцами соглашения о принятии их в подданство, обещала им свободу торговли и защиту от внешних врагов, а с другой, постепенно приближала кордонную линию к их землям, творила над ними произвол и на любое проявление недовольства с их стороны отвечала жестокими репрессиями» [История Чечни 2006: 436]. Они считают, что в 1818–1820-е гг. чеченские общества высказывали готовность решить проблему взаимоотношений с Россией мирным политическим путем. Однако А.П. Ермолов делал ставку исключительно на военное подавление сопротивления горцев. При нем они «сложились в единую четкую систему», и мирный путь развития исторического процесса стал невозможен [История Чечни 2006: 493]. По мнению авторов, «окончание Кавказской войны означало и завершение исторически длительного и политически сложного процесса покорения и присоединения Чечни к России» [История Чечни 2006: 57–71].

Новейшие тенденции в изучении процесса присоединения Чечни к России нашли отражение в монографии Ш.А. Гапурова «Чечня в период Кавказской войны (1818-1859 гг.)» [Гапуров 2016] и «Истории Чечни с древнейших времен до наших дней. Т. II. История Чечни. XVI–XVIII вв.» [История Чечни 2016]. Концептуально они повторяют положения исторических исследований 1990-х – начала 2000-х гг. В монографии Ш.А. Гапурова взаимоотношения Чечни и России в конце XVI – первой половине XVII в. определены как «идеальная модель» мирного сближения чеченцев с московским государством для тех условий и того времени. Автор считает, что это был «период твердой и последовательной ориентации значительной части Чечни на Россию», в отличие от остальной части Северного Кавказа, «чья владельцы постоянно меняли свою внешнеполитическую ориентацию» [Гапуров 2016: 38]. Скорее всего имеются в виду кабардинские и дагестанские владельцы, среди которых были сторонники и «прорусской», и «прокрымско-османской», и «проиранской» ориентации». Когда речь идет о «взаимных мирных» или «союзнических» отношениях вайнахов (чеченцев и ингушей) историческая наука располагает только документами, связанными с деятельностью Ших-мурзы Ишеримова и его потомков, т.е. владельцев Окоцкой земли. Остальные чеченские владельцы и представляемые ими общества еще не были вовлечены в орбиту

международных отношений, складывающихся вокруг северокавказского региона. Ш.А. Гапуров говорит, что многие общества горной Чечни вынуждены были платить дань дагестанским (особенно аварским) феодалам, а равнинные чеченские селения были зависимы от кабардинских князей. Поэтому он считает, что «стремление освободиться от гнета инонациональных феодалов было одним из важнейших побудительных мотивов для чеченцев при принятии российского подданства» [Гапуров 2016: 38]. Ш.А. Гапуров сомневается в правомочности использования понятия «подданство» и говорит о «внешнеполитической ориентации». Он полагает, что «московские цари были осведомлены, что в Чечне нет «своих» чеченских феодальных владетелей», подобных вышеназванным окоцким. «За власть над чеченскими обществами боролись кабардинские и дагестанские феодалы» и российские власти на них сделали ставку в XVII–XVIII вв. Так, в борьбе за подчинение Чечни сложился союз России с феодалами нечеченского происхождения – «варягами». Это было «серьезной политической ошибкой царских властей», так как чеченцы готовы были признать «покровительство России» [Гапуров 2016: 39]. К сожалению, называя конец XVI – первую половину XVII в. «золотым периодом» русско-чеченских отношений, когда между «чеченцами и российской властью сложился тесный военно-политический союз», автор не приводит соответствующего источниковедческого и правового анализа документов, убеждающих в союзнических отношениях двух сторон [Гапуров 2016: 40]. Восемнадцатый век, по Ш.А. Гапурову, стал переломным периодом в кавказской политике России, когда произошедшие изменения привели в конечном итоге к Большой Кавказской войне (20–50-е годы XIX столетия) [Гапуров 2016: 43].

Во втором томе «Истории Чечни» ответственным редактором и автором глав по взаимоотношениям Чечни с Россией в XVI–XVIII вв. является Я.З. Ахмадов [История Чечни 2016]. Официальное оформление вассально-союзнических отношений «чеченских земель» с Россией ведется от первого «чеченского посольства» и присяги 1588 г. окоцкого владельца Ших-мурзы. Политическое положение нахов-чеченцев юго-восточных и западных обществ Чечни дается в контексте сложных международных отношений (ирано-турецких, ирано-грузинских). Со второй половины XVII в. возрастает роль России на Центральном и Восточном Кавказе. В борьбе друг с другом Россия и мусульманские державы вынуждены «брать в расчет позицию горских феодальных образований». Я.З. Ахмадов считает, что «по существу со времени Петра I начинается колониальная политика России в отношении Кавказа и Чечни. Важное значение историк придает заключению Стамбульского договора (июнь 1724 г.), который, по его мнению, является «первым международным соглашением Русского государства относительно кавказских земель». Середина XVIII в. в истории русско-чеченских отношений стала «переломной»; она связывается исследователем с принятием «подданства» России известным чеченским владельцем Айдемиром. В начале 80-х гг. XVIII в. ряд обществ и аулов плоскостной Чечни просят «о принятии их в подданство», а в январе 1781 г. состоялась присяга «на вечное подданство». Возведение Кавказской военной линии в 1777–1780 гг., казачья и крестьянская колонизация сыграли негативную роль во взаимоотношениях империи с северокавказскими народами. Возможность присоединения Чечни к России в 80-х гг. XVIII в., по мнению Я.З. Ахмадова, стала реальной. Причем речь идет не о каком-то «добровольном вхождении», а о военно-политическом решении вопроса. Таким образом, с середины 80-х гг. XVIII в. начинается новый, последний этап во взаимоотношениях Чечни с Россией – это «этап непосредственного насильственного включения ее народов в состав русского государства». По мнению авторов обобщающего труда, он затянулся на десятилетия и сопровождался масштабными военными действиями, переросшими в первой четверти XIX в. в Кавказскую войну [История Чечни 2016: 272–333].

Современная ингушская историография сохраняет основные положения позднесоветской исторической науки по вопросу добровольного вхождения Ингушетии в состав России. В качестве ключевых моментов называются 1770 и 1810 гг. как даты принесения ингушскими владельцами «присяги» представителям русских военных властей – кизлярскому коменданту Неймичу и владикавказскому коменданту Дельпоцо. Отдельные авторы обращали внимание на челобитную архимандрита Григория императрице Екатерине II, в которой говорится, что «киштинцы (ингуши) в 1757 г. приведены к присяге на верность России» [Мальсагов 2003: 18–19]. В специальной статье, посвященной включению Ингушетии в состав России, Б.М.-Г. Харсиев определяет характер присоединения как однозначно мирный, который выразился в договоре 1770 г. [Харсиев 2013: 724–725].

Все новейшие наработки ингушской историографии были обобщены в коллективной монографии «История Ингушетии» [История Ингушетии 2013]. История взаимоотношений ингушей с Русским государством ведется со второй половины XVI в., когда окоцкие (ауховские) владельцы Ушаром-мурза, Батай-мурза и другие выступали союзниками Москвы. Русские документы XVI–XVII вв. содержат многочисленные примеры того, как представители окоцкого общества оказывали услуги русскому правительству, сопровождая послов в Грузию или участвуя в походах терских воевод. В 50–60-е гг. XVIII в. ингушские старшины выступают последовательными союзниками русской администрации на Тереке и неоднократно заявляют кизлярскому коменданту «о своей готовности принять российское подданство». Авторы монографии считают, что «ярко выраженная пророссийская позиция ингушей» диктовалась необходимостью их переселения на плоскость, и в этом случае требовалась защита от агрессии кабардинских князей, стремившихся поставить их в вассальную зависимость. Ингуши, закрепляясь на предгорно-плоскостных землях, «первыми» (?), как считают авторы монографии, среди народов Северного Кавказа принимают российское подданство в 1770 г. В 1771 г. их примеру последовали карабулаки. Ослабление в регионе позиций кабардинских феодалов, строительство русских военных укреплений на правобережье Терека (от Моздока до Дарьяла) способствовала активной колонизации ингушами плоскостных земель в 1770–1810 гг. Основное направление ингушской миграции шло по правобережью Терека на северо-восток, по обеим берегам рек Камбилеевки и Сунжи. В итоге, в первом десятилетии XIX в. ингуши осваивают Назрановскую долину. После официального признания российской администрацией прав на владения ингушами землей на правобережье Терека (письменный акт 1810 г.), по мнению авторов монографии, «переселение ингушей с гор и предгорий на плоскостные земли приобретает массовый характер», что дало возможность к середине 40-х гг. XIX в. основать на плоскости еще почти 70 селений [История Ингушетии 2013: 19].

Таким образом, присяга 24 ингушских старшин в марте 1770 г. кизлярскому коменданту И.Д. Неймичу трактуется в исследовании «как заключение договора о союзе». Русские военные власти готовы были оказать вооруженную помощь назрановским ингушам в случае принятия ими «российского подданства» [История Ингушетии 2013: 235–236]. Поэтому 22 августа 1810 г. представители шести родов в крепости Владикавказ подписали акт о вступлении в «российское подданство» [История Ингушетии 2013: 258]. Однако с началом Кавказской войны на территории, занимаемой ингушами, происходили восстания, что приводило к периодическим карательным экспедициям русских войск [История Ингушетии 2013: 260–264].

Базовые положения концепции добровольного вхождения Ингушетии в состав России прочно закреплены в учебной литературе и исторической публицистике. В юбилейном издании, посвященном 245-летию истории взаимоотношений России и Ингушетии, добровольное вхождение Ингушетии в 1770 г. в «семью российских

народов» связывается с «началом государственности ингушского народа» [Россия – Ингушетия: 245: 3]. В статье И.А. Дахкильгова содержатся определенные противоречия. Утверждается, что «в XVII в. ингуши первыми из северокавказских народов официально соединились с Русью, причем добровольно» [Россия – Ингушетия: 245: 20]. Далее, автор со ссылкой на «многие источники» говорит, «что никогда и никем ингуши не были присоединены», «они сами в течение ряда веков, искали союза с Россией и на полноправной основе обрели его в 1770 г.» [Россия – Ингушетия: 245: 20]. Заявление автора, что на опубликованных картах России начала 70-х годов XVIII в. из всех народов Кавказа в ее составе были обозначены только ингуши, ничем не подтверждено.

Современная осетинская историография придерживается основных концептуальных достижений советской историографии по вопросу присоединения Осетии к России. Практически все авторы связывают политический акт ее присоединения с итогами Кючук-Кайнарджийского мира 1774 г. [Бзаров 2011а; Бзаров 2011б; Блиев 1999; Блиев 2004; Блиев 2010; Блиева 2001; Блиева 2003; Блиева 2011; Дегоев 2004; Дегоев 2005; Дегоев 2009а; Дегоев 2009б; Дегоев 2011; История Осетии 2012; Кобахидзе 2003; Кобахидзе 2010; Цуциев 2006; Цуциев 2014; Чибиров 2010]. Известно, что Осетия ни в какой форме, даже опосредованно, не являлась объектом данного международного договора. Однако, как и в советской исторической литературе, новейшая историография не объясняет, почему российская государственная власть «подразумевала» присоединение Осетии к России, хотя об этом в международном соглашении ничего не говорится. Так, Р.С. Бзаров пишет: «В Петербурге быстро поняли, что не удастся обойтись без лояльности небольшого народа, оседлавшего стратегические перевалы, – без военных баз в центре Кавказа, без аланских дорог и серебросвинцовых месторождений». Поэтому историк уверен, что еще осетинское посольство 1749–1752 гг. обсудило с российским правительством «концепцию русско-осетинского союза» и условия будущего взаимовыгодного присоединения [Бзаров 2011а]. Е.И. Кобахидзе также обращает внимание, что Осетия отличалась выгодным для империи геополитическим положением и значительным военно-экономическим запасом в виде рудных и лесных ресурсов [Кобахидзе 2003: 109].

В отечественной историографии давно утвердилось положение, что Кючук-Кайнарджийский договор 1774 г. давал возможность России утвердиться на Центральном Кавказе и, в первую очередь, в Кабарде. В дальнейшем ситуация во многом зависела от выстраиваемой имперским руководством политики по отношению к кабардинской правящей элите. Чтобы держать ее под «контролем» российская власть пользуется многочисленными просьбами соседних горских народов о переселении в предгорья и на равнину как «рычагами» влияния на кабардинских князей и дворян. З.М. Блиева пишет, что заключение мира с Турцией в 1774 г. давало российскому правительству возможность удовлетворить неоднократные просьбы Осетии, Ингушетии и Чечни о присоединении к России. Она определяет для Ингушетии 1770 г., для Осетии 1774 г., для Чечни – 1781 годы как даты вхождения. Но договор Чечни с Россией позже, по ее мнению, был дезавуирован чеченцами, которые объявили ожесточенную борьбу за «веру». Она привела к столкновению контрастирующих между собой российской феодально-крепостнической и чеченской эгалитарной общественных систем [Блиева 2003: 55–59].

Были авторы, которые критически относились к концепции добровольного присоединения Осетии к России. Ф.В. Тотоев обращал внимание исследователей на преувеличение итогов Кючук-Кайнарджийского договора 1774 г. и русско-осетинских переговоров в Моздоке. Он считал их не санкционированными центральной властью, поскольку они были организованы без ведома императрицы Екатерины II. Астраханский губернатор П.Н. Кречетников сделал все возможное, чтобы «осетинские старшины осознали и признали подчиненными ему», проще говоря, организовал их ради карьерных соображений [Тотоев 1993: 1].

Российская империя, проводя соответствующую торгово-экономическую и религиозную политику, с 1740-х гг. пыталась укрепить свое влияние в регионе, но она вынуждена была действовать в соответствии с пунктами Белградского договора 1739 г. Один из авторов «Истории Осетии» Ф.Х. Гутнов полагает, что в России Осетия воспринималась во второй половине XVIII в. как страна с особым геополитическим статусом [История Осетии 2012: 480]. Вхождение в состав Российской империи в 1774 г. создавало осетинам условия для общественного развития, и Ф.Х. Гутнов совершенно прав, когда отмечает, что самодержавие дало возможность переселения осетинским обществам в предгорья и на равнину [Осетии 2012: 486–487].

М.М. Блиев в своих работах отстаивал двухэтапную периодизацию присоединения народов Северного Кавказа к России. С 40-х гг. XVIII в. русско-осетинские отношения приобретают регулярный характер. В обобщающей работе он писал: «Осетины, испытывавшие острую нужду в земле, получили реальную возможность удовлетворить свое давнее желание о включении в состав территории Осетии предгорных равнин» [История Северо-Осетинской 1987: 186]. С этого периода и до 1820-х гг. вопросы о принятии осетинами российского подданства и о переселении их на равнинные земли Центрального Кавказа были тесно связаны и взаимообусловлены [История Северо-Осетинской 1987: 187–204]. Российская военная администрация объявила земли кабардинских князей «казенными» и передала переселенцам. М.М. Блиев указывает, что российское правительство «рассчитывало, что осетины, получив землю на равнине, будут верными подданными России» [История Северо-Осетинской 1987: 219]. Двухэтапная периодизация М.М. Блиева позволяла объяснить длительную борьбу тагаурских феодалов против русских военных властей в районе Военно-Грузинской дороги. В первые десятилетия XIX в. представители куртатинского, алагирского и дигорского обществ неоднократно давали повторные присяги на верность России. Достаточно обратить внимание на тот факт, что в январе 1827 г. уполномоченные старшины от дигорцев и балкарцев «присягают» России в Ставрополе генералу Эмануэлю. Военные экспедиции генералов П.Я. Ранненкампа и И.Н. Абхазова решили вопрос с окончательным присоединением Осетии к России. В последних работах М.М. Блиев, обозначая, как и раньше, осень 1774 г. как год включения Осетии в состав России, внес определенные коррективы в свою концепцию добровольного присоединения. Он считал, что политическое определение не привело к вхождению в имперскую административную систему, и Осетия продолжала сохранять независимость от российского государственного управления [Блиев 2010: 193–194]. В.В. Дегоев, справедливо отмечая, что по условиям Кючук-Кайнарджийского договора 1774 г. к России была присоединена только Кабарда, все же полагает, что другие территории Центрального Кавказа также подразумевались как переходящие под влияние империи [Дегоев 2014]. Переговоры представителей осетинских обществ с российской военной администрацией в Моздоке в 1774 г. историк трактует как принятие российского подданства, а не как акт присоединения Осетии к России [Дегоев 2011: 111]. В.В. Дегоев придерживается точки зрения, что установление времени присоединения кавказских территорий с населяющими народами к России должны определяться по итогам международных договоров. Поэтому он считает, что только с конца 1820-х гг. Россия добила юридической санкции на владение Северным Кавказом, а многочисленные клятвы и присяги, которые обозначали русско-северокавказские «соглашения» (как принято рассматривать их в отечественной историографии – *К.Д.*, *Е.М.*) не имели «решающего юридического значения», таковыми являлись «соглашения с Ираном и Турцией по поводу Северного Кавказа» [Дегоев 2005: 108].

В новейшей исторической литературе, посвященной русско-кабардинским отношениям, доминирует концепция, в основе которой лежит следующая схема: с

середины XVI в. до 1760-х гг. – союзнические отношения сторон; с 1774 г. – юридическое признание Кабарды в сфере влияния России по Кючук-Кайнарджийскому договору; конец 1770-х гг.- 1821 г. – фактическое присоединение Кабарды к России путем ее военного завоевания. Даная точка зрения, как сказано выше, берет свое начало с доклада К.Ф. Дзамихова на конференции в г. Звенигороде (20–24 ноября 1989 г.). Она представлена в монографических исследованиях, специальных статьях, энциклопедических и обобщающих работах [Дзамихов 1994, Дзамихов 2000, Дзамихов 2001, Дзамихов 2007, Дзамихов 2017, Дзамихов 2018]. Были предприняты попытки предложить альтернативу понятию «военно-политический союз» России и Кабарды, введенному в научный оборот К.Ф. Дзамиховым. Ж.А. Калмыкову казалось более приемлемым понятие «союзно-покровительственные отношения» [Калмыков 2009: 84], а Б.Х. Бгажнокову – употребление античного термина «симмахия» (военно-политический союз, заключавшийся между греческими полисами) [История многовекового содружества 2007: 57]. Однако они не получили поддержки в современном кабардиноведении. Исследователи: А.Н. Маремкулов, З.А. Кожев, З.М. Кешева и другие, – связывают вхождение Кабарды в состав России с завоеванием ее в 1825 г. А.П. Ермоловым [Маремкулов 2003; Адыгская (черкесская) энциклопедия 2006: 204–221; Документы по истории адыгов 2011].

Авторы коллективного доклада «Россия и Северный Кавказ: 400 лет войны» (Л.С. Гагагова, Д.И. Исмаил-Заде, В.И. Котов, А.М. Некрасов, В.В. Трепавлов) полагали, что Кючук-Кайнарджийский договор 1774 г. наделил кабардинцев статусом российских подданных, а по Ясскому мирному соглашению 1791 г. Кабарда и Осетия окончательно вошли в состав России [Россия и Северный Кавказ 1998]. И.И. Якубова большее значение придает русско-турецкому договору 1798 г., который, по ее мнению, завершил окончательное вхождение Центрального Кавказа (т.е. Кабарды и Осетии) в состав России [Якубова 2005; Российско-северокавказские отношения 2011]. Р.Х. Гугов, оценивая политическое соглашение 1557 г., считает, что Кабарда его воспринимала как союз, а Русское государство видело в кабардинцах своих подданных. Для него 1774 г. также является важнейшим рубежом, когда Кабарда и Осетия присоединились к России, а Ингушетия, часть Чечни и Карачай оказались под покровительством царского правительства [Гугов 1999: 7, 638]. Некоторые авторы (В.Н. Сокуров, С.Н. Бетуганов) не приняли концепцию «военно-политического союза», также как и концепцию «добровольного присоединения» или «вхождения Кабарды в состав России». Но сами они не предложили какой-либо аргументированной формулы-определения длительного исторического процесса русско-кабардинских отношений. На этом фоне статья Х.М. Думанова, в которой политический акт 1557 г. трактуется вновь как добровольное присоединение Кабарды к России, не получила поддержки в региональной историографии [Думанов 2001: 59] и воспринята как анахронизм.

В современной историографии социально-политической истории Балкарии XVII–XIX вв. важное место занимают труды Е.Г. Муратовой [Муратова 2007; Муратова 2010; Муратова 2012; Муратова 2016; История многовекового содружества 2007: 91–112, 169–184, 234–256; Века совместной истории 2017: 148–181, 252–276, 314–351]. В их основе лежит скрупулезный анализ русских письменных источников XVII–XIX вв., который позволил объяснить причинно-следственные связи взаимоотношений народов Центрального Кавказа в контексте международных соглашений держав, процесс миграции балкарцев с высокогорья в предгорья, а также длительный путь и особенности принятия ими «российского подданства». В течение многих веков занимая предгорные равнины Центрального Кавказа, используя свое выгодное геополитическое положение и имея численное превосходство перед соседними народами, кабардинцы контролировали выходы из горных ущелий, связывавших горцев с остальным миром. Исследователь показывает сложный характер взаимоотношений традиционного балкарского общества

с феодальной Кабардой: здесь присутствовали явления зависимости и данничества, экономический фактор и тесные социокультурные связи. Победа России и итоги русско-турецкой войны 1768–1774 гг., дальнейшее закрепление империи в регионе привели к тому, что некоторые горские общества стремились освободиться от традиционных обязательств перед кабардинскими князьями в виде выплат за политическое покровительство и пользование зимними пастбищами. Русские военные власти в лице князя Г.А. Потемкина разрешали в 1780-х гг. кабардинским князьям взимать плату с горских народов, не принявших «российского подданства». В конце XVIII в. балкарские владельцы несколько раз проявляли инициативу и обращались к российскому военному командованию на Кавказской линии с просьбой о защите и подданстве. Процесс присоединения балкарских обществ был опосредован Кавказской войной и растянулся на несколько десятилетий. Разрушение системы этнополитического равновесия на Северном Кавказе, установление военно-политического контроля империи в регионе и строительство новой укрепленной линии у самых гор – привели к включению Балкарии в состав России в 20-х гг. XIX века. Политически это событие было оформлено актом присяги 11 января 1827 года, принятой главами владельческих фамилий всех балкарских обществ. Представители урусбиевских, чегемских, хуламских и балкарских таубиев прибыли в Ставрополь к командующему русскими войсками на Кавказской линии генерал-лейтенанту Эмануелю и подали прошение о принятии их в российское подданство. Они выразили готовность поступить на российскую военную службу и обязались выдать аманатов.

Е.Г. Муратова определяет «процесс вхождения Балкарии в состав России» как «лояльный вариант социополитической адаптации этнического сообщества к государственно-административным реалиям империи» [Муратова Хаширов 2019: 100]. Наверное, он не мог развиваться по другой модели, потому что балкарская этнополитическая общность была самая маленькая в регионе (на момент принятия присяги насчитывала 800 дворов) и ее напрямую не затрагивало международное соперничество вокруг Кавказского региона.

В публикациях Р.С. Тебуева, Р.Т. Хатуева, М.Ю. Кучинаева, В.М. Батчаева, Х.-М.А. Сабанчиева поддерживается точка зрения о времени вступления Балкарии в российское подданство на основе прошения 1827 г., которое определяется как «присоединение Балкарии к России» или как «вхождение Балкарии в состав России» [Тебуев Хатуев 2002; Кучинаев 2004; Батчаев 2006; Карачаевцы. Балкарцы 2014; Сабанчиев 2019].

Большая группа современных авторов в качестве времени вхождения Карачая в состав России обозначает 1828 г., связывая это событие с покорением края генералом Г.А. Эмануелем в ходе кровопролитного Хасаукинского сражения, когда российские войска разбили карачаевское ополчение [Напсо Чекменев 1993; Бегулов 2002; Баразбиев 2005]. Р.С. Тебуев и Р.Т. Хатуев считают датой окончательного присоединения Карачая к России 1855 г., когда имперскими войсками было подавлено восстание судьи Магомед-эфенди Хубиева, который намеревался поддержать Магомед-Амина, возглавлявшего антиколониальную борьбу на Западном Кавказе [Тебуев Хатуев 2002: 110]. Данная точка зрения вошла в соответствующий раздел обобщающего труда «Карачаевцы. Балкарцы», в котором дается сложная картина интеграции Карачая в состав России к 1855 г. [Карачаевцы. Балкарцы 2014: 30–60].

В конце XX – начале XXI в. известный исследователь-кавказовед В.Б. Виноградов вместе со своими учениками (С.Л. Дударевым, Н.Н. Великой, Б.В. Виноградовым, Ю.Ю. Клычниковым, В.А. Матвеевым и др.) предложил новую концепцию изучения российско-кавказских взаимоотношений в основе которой лежало понятие «российскость» [Российскость 1999; Кавказоведческая школа 2002; Виноградов 2002; Великая 2007]. Концепт «российскость», согласно В.Б. Виноградову,

обозначает тенденцию «к равноправному историческому партнерству народов под эгидой России». Сторонники такого подхода считают, что у многочисленных народов Северного Кавказа независимо от уровня и особенностей общественно-политического, экономического и культурного развития присутствовало некое имманентное качество, приводившее их к взаимовыгодному историческому партнерству народов, вошедших в состав Российского государства. Основатель «школы» В.Б. Виноградов рассматривал предложенную парадигму как продолжение и развитие концепции «добровольного вхождения». Хотя концепция «российскости» не получила широкого распространения в кавказоведении, однако есть попытки ее использования.

В.А. Матвеев в своих исследованиях проводит мысль, что народы Северного Кавказа к середине XIX в. покорились «не столько силе русского оружия, сколько силе авторитета России», осуществлявшей универсалистскую объединительную деятельность в отношении различных этносов. По мнению исследователя, российская государственность обладала особыми притягательными свойствами и достоинствами, которые способствовали объединению северокавказских народов в составе империи [Матвеев 2006: 52]. В аналогичном ключе строятся основные положения новейшей работы Ю.Ю. Клычникова о «совместничестве» [Клычников 2018]. Делается попытка раскрыть «различные стороны сотрудничества-соперничества, которые определили облик этого многогранного межэтнического симбиоза». Автор акцентирует внимание на том, что «симбиоз» «получил название российскость, в рамках которого и дается объяснение тех причудливых проявлений единства и борьбы, происходящих между его участниками в этом совместном цивилизационном проекте». Ю.Ю. Клычников сам признает, что дефиниция «российскость» на сегодняшний день еще не имеет устоявшейся трактовки. Он считает возможным характеризовать ее как историческое партнерство, обусловленное необходимостью решения жизненно важных проблем, дающее сторонам этого процесса определенные конкурентные преимущества. «Основывается оно на принципах «совместничества» – своеобразного сотрудничества-соперничества между участниками данного процесса» [Клычников 2018].

На современный научный дискурс обсуждения проблемы присоединения иноэтничных народов и территорий к России, выстраивание отношений между ними и центральным правительством, позитивное влияние оказали научные исследования В.В. Трепавлова [Трепавлов 2005; Трепавлов 2006; Трепавлов 2007а; Трепавлов 2007б; Трепавлов 2011]. Он обращал внимание, что многие историки зачастую с легкостью объявляют тот или иной «народ добровольно вступившим в российское подданство» (на основании первого соглашения («шерти» или «присяги») договора представителей правящей знати с правительством или провинциальным российским начальством. Он справедливо полагал, что такой подход ведет к тому, что вступление того или иного народа в подданство происходило как бы задолго до их реального включения в административную систему России. Обстоятельный анализ привел исследователя к выводу, что в XVI–XVIII вв. представления о «подданстве», «покровительстве» и «сюзеренитете» у многих народов были довольно условными. «Учинение в холопстве» многих северокавказских владельцев в XVI–XVII вв. означало лишь их внешнеполитическую ориентацию на Русское государство. «Подданство» представителей правящей феодальной знати должны трактоваться, по Трепавлову, как их «личные обязательства перед царем» и «их персональная служба ему». «Шерти» или договоры XVI–XVII вв. не были равнозначны межгосударственным пактам нового времени, «они являлись персональными соглашениями правителей и теряли силу после ухода от власти одного из них, отчего требовали периодического обновления». Официально шертные соглашения оставались двухсторонними договорами, но на самом деле являлись «декларацией обязанностей младшего участника договора по отношению к

старшему». Обычно в них включались обязательства выплачивать «ясак» Москве, воевать с противниками русского государя и не вступать в союз с его врагами. На период действия шерти младший партнер как бы переходил под покровительство русского монарха, но не включался в число его подданных. Историк акцентирует внимание, что шертная грамота фактически стала служить «начальной вехой обращения в российское подданство». За счет шертных (протекторатных) связей территория Московского государства расширялась в восточном направлении. Они были важны в политическом отношении, многие из них заключались добровольно и, таким образом, придавали легитимность российскому влиянию и господству на новых территориях. В XVIII в. практика шертования уступает «место вступлению под имперскую «протекцию». «Новоприбылые» или «иноверцы» видели в этих соглашениях прежде всего пакт о военном союзе и ненападении или же мирный договор, который их мало к чему обязывал. А для российской стороны, тем более в период абсолютизма, это был знак безусловного подчинения. На разнообразном материале народов Сибири, Поволжья и Северного Кавказа В.В. Трепавлов доказывал, что в огромной Российской империи к концу XVIII в. не было и не могло быть единства в понимании и восприятии понятий и установок российской государственности.

В.В. Трепавлов и другие исследователи обозначили определенные объективные параметры подданства. К ним относятся: включенность территории (народа) в высшую государственную символику – большой царский титул или большой государственный герб; налогообложение в пользу единого государства; распространение на данный регион действия общероссийского законодательства и подведомственность внутригосударственным инстанциям; принадлежность его (региона) к одному из административных подразделений государства. В.В. Трепавлов убежден, что «вести речь о вхождении территории в состав государства можно лишь после того, как она обзаводится хотя бы тремя из перечисленных четырех критериев». Материальным подтверждением и самым наглядным показателем подданства, служит выплата налогов в казну. Для исследуемого периода изучение подданства, по мнению В.В. Трепавлова, осложняется размытостью критериев этого института. «Одни владения входили в состав государства реально, другие номинально. Причем степень реальности зачастую понималась по-разному в столичных инстанциях и на «национальных окраинах».

В XVIII в. развернулось открытое военное противостояние России с Турцией и Ираном. Северокавказским народам часто приходилось выбирать между соперниками. Учитывая авторитет и военный потенциал адыгов (в первую очередь Кабарды), В.В. Трепавлов считает, что на них смотрели «прежде всего как на орудие геополитического действия, т.е. как на традиционную лояльную, но внешнюю силу». Для него официальным основанием для распространения юрисдикции России на Северный Кавказ выступают Кючук-Кайнарджийский (1774 г.) и Ясский (1791) русско-турецкие договоры, а реальная власть империи распространяется на этот регион только в следующем столетии.

«Окончательное же присоединение Северо-Западного Кавказа к Российской империи связано с окончанием Кавказской войны в первой половине 1860-х годов». В.В. Трепавлов считал, что «каждый регион при своем пребывании в составе России проходил через несколько этапов: собственно присоединение (иногда в виде завоевания, т.е. установление российского подданства; постепенная инкорпорация в структуру государства; наконец, ассимиляция, которая со временем все более активизировалась и порой трактовалась как «конечная цель и результат инкорпорации». Инкорпорация народов и регионов могла растянуться на длительный срок. На протяжении XVI–XIX вв. народы (этносы) выступали в качестве не субъектов, а объектов государственной политики. Но вопрос о сотрудничестве с этническими элитами, по мнению В.В. Трепавлова, был одним из краеугольных

камней не просто «национальной политики», но вообще государственного управления Российского государства. Он обращал внимание, что утвердившаяся в советской историографии и унаследованная новейшей российской наукой формула о присоединении («добровольном вхождении») народов предельно условна. А категории «присоединение» к России или «вхождение» в ее состав (тем более «добровольные») отсутствовали в лексиконе политиков XVI–XVIII вв. Поэтому история формирования Российской многонациональной державы включает сложные, долгие и противоречивые процессы. Критерии анализа, предложенные В.В. Трепавловым, являются, на наш взгляд, хорошим методологическим инструментарием, но, к сожалению, если брать северокавказский дискурс они в полной мере нашли пока применение только в новейшей адыгской историографии.

Таким образом, отечественными историками была проделана огромная работа по изучению вопросов складывания Российского многонационального государства в XVI–XVIII веках. Нельзя сказать, что в историографии по этому вопросу всегда достаточно точно, детально и определенно называлось время присоединения отдельных народов или корректно употреблялись понятия «принятия подданства», «вхождение», «присоединение» к России и «полное вхождение» в ее состав. Часто наблюдалось упрощенное понимание проблемы, когда вхождение того или иного народа в состав России сводилось к его начальному этапу – принесению первой присяги о подданстве.

В постсоветской историографии единого подхода в вопросах освещения проблемы присоединения Северного Кавказа к России не имеется. По-прежнему многие авторы оперируют концепцией «добровольного присоединения» или «вхождения», есть сторонники «силового» или «военного» завоевания региона Российской империей. Окончательно оформилась точка зрения о трансформации союзнических взаимовыгодных отношений в военно-силовое противостояние, когда Российская империя поставила своей целью полный военно-политический контроль над Северным Кавказом, как геополитическим ареалом. В большинстве работ подчеркивается сложность и противоречивость процесса присоединения, охватывающего широкие хронологические рамки (от середины XVI в. до 1860–1870 гг.), а также отсутствие единого типологического сходства у многочисленных народов региона в определении причин, характера и последствий присоединения к России.

Часто в новейших обобщающих работах возрождаются идеи предшественников, в первую очередь концепции «добровольного присоединения/вхождения», которая сохраняет лидирующие позиции в современной историографии. С одной стороны, в официальной идеологии и историографии «национальное русское» и «имперское» часто объединяются в единое целое, несущее позитивные коннотации. Опора на великорусскую державную идею приводит к тому, что российская история раскрывается преимущественно как история русского национального государства. С другой стороны, характерной чертой северокавказской историографии при освещении таких тем как «включение», «присоединение», «вхождение народов в состав Российской империи», «подчинение», «завоевание», и др. выступает исследовательский подход, который сочувственно интерпретирует ключевые моменты своей этнонациональной истории. Складывается парадоксальная ситуация, когда северокавказские историки, как и историки федеральных научных учреждений, формируют и реализуют идею «своей истории». Такое положение может привести к противостоянию позиций региональных историков и историков российского центра как носителей «этно-сепаратистской» и «державно-патриотической» идей.

Многие исследования выполняются в угоду политической конъюнктуры, имеющей идеологическую направленность, а не на основе историко-правового анализа соответствующей источниковой базы. Главным критерием включения территории того или иного народа в состав Российского государства опять стали

выступать первые «прошения» или «присяги» о принятии русского/российского «подданства». Прямое и буквальное толкование смысла тех или иных актов, оформлявших русско-северокавказские отношения в XVI–XVIII вв. в современных политико-правовых терминах ведет к неоправданной «модернизации» характера этих актов. Интерпретация «договоров» о «подданстве», «покровительстве», «учинении в холопстве», «о службе и обороне» в конкретно-историческом контексте той эпохи обнаруживает, что их значение и «смыслы», а особенно реальная практика русско-северокавказских отношений, больше соответствует понятию союзничества, которое фиксировалось в характерных для той эпохи формах (и формулах) феодального подданства.

Нельзя не согласиться и с общей оценкой предмета изучения, что «текущая историографическая ситуация несет определенные признаки «парадигмального хаоса» и политико-идеологической разногласности в освещении истории политики России на Северном Кавказе и ее отношений с народами региона» [Россия и народы 2018: 10]. В качестве основного концепта, позволяющего синтезировать различные методологические позиции авторов, фактологическое содержание исследуемого материала и функции полученных результатов по формированию современной структуры исторической идентичности народов Северного Кавказа может быть избрано понятие «совместной истории». Оно соответствует двум базовым характеристикам культурно-исторической специфики региона. Во-первых, Северный Кавказ исторически представляет собой регион устойчивого взаимодействия различных этносов, культур, цивилизаций, а во-вторых, он давно и прочно интегрирован в общероссийское социально-политическое пространство [Боров Муратова 2011]. С одной стороны, эти особенности сформированы всем ходом предшествующей истории, с другой – они принципиально не устранимы и будут сохранять свое доминирующее значение для народов региона и для России в целом на всю обозримую перспективу.

Список источников и литературы

- Адыгская (черкесская) энциклопедия 2006 – Адыгская (черкесская) энциклопедия / Глав. ред. М.А. Кумахов. М.: Фонд им. Б.Х. Акбашева, 2006. 1247 с.
- Барзбиев 2005 – *Барзбиев М.И.* Карачай и Балкария в Кавказской войне // Исторический вестник КБИГИ. Нальчик, 2005. Т. II. С. 126–140.
- Батчаев 2006 – *Батчаев В.М.* Балкария в XV– начале XIX вв. М.: ТАС-Издат, 2006. 190 с.
- Бегеулов 2002 – *Бегеулов Р.М.* Карачай в Кавказской войне XIX века. Черкесск, 2002. 178 с.
- Бзаров 2011a – *Бзаров Р.С.* Осетинское посольство 1749 г. и современность // Научное Общество Кавказоведов: сайт. URL: <http://www.kavkazoved.info/pview/2011/07/11/osetinskoe-posolstvo-1749-i-sovremennost.html> (Дата обращения: 27.02.2025).
- Бзаров 2011b – *Бзаров Р.С.* Состав и принципы формирования Осетинского посольства 1749–1752 гг. в России // История народов России в исследованиях и документах. Материалы научно-практической конференции «Россия на Кавказе: три века политической истории», посвященной 260-летию установления российско-осетинских отношений. Москва, 24 ноября 2009 г. М., 2011. Вып. 5. С. 15–34.
- Блиев 1999 – *Блиев М.М.* Осетия, Кавказ: история и современность. Владикавказ: СОГУ, 1999. 330 с.
- Блиев 2004 – *Блиев М.М.* Россия и горцы Большого Кавказа на пути к цивилизации. М.: Мысль, 2004. 877 с.
- Блиев 2010 – *Блиев М.М.* Осетинское посольство в Петербурге 1749–1752 гг. Присоединение Осетии к России. Владикавказ: Издательско-полиграфическое предприятие им. В. Гассиева, 2010. 236 с.
- Блиева 2001 – *Блиева З.М.* Российский бюрократический аппарат и народы Центрального Кавказа в конце XVIII – 80-е годы XIX века. Владикавказ: СОГУ, 2001. 266 с.

- Блиева 2003 – *Блиева З.М.* Русско-чеченские отношения в XVII–XVIII вв. // Вопросы истории. 2003. № 12. С. 47–61.
- Блиева 2011 – *Блиева З.М.* Управление Осетией в 30–50-е годы XIX в. // История народов России в исследованиях и документах. Материалы научно-практической конференции «Россия на Кавказе: три века политической истории», посвященной 260-летию установления российско-осетинских отношений. Москва, 24 ноября 2009 г. М., 2011. Вып. 5. С. 83–102.
- Боров, Муратова 2011 – *Боров А.Х., Муратова Е.Г.* Северный Кавказ в современном общественном дискурсе // Общественные науки и современность. 2011. № 4. С. 157–166.
- Века совместной истории 2017 – Века совместной истории: народы Кабардино-Балкарии в российском цивилизационном процессе (1557–1917 гг.). Нальчик: Издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. 544 с.
- Великая 2007 – *Великая Н.Н.* Российскость как парадигма изучения российско-кавказского единства // Южнороссийское обозрение. 2007. № 45. С. 88–101.
- Виноградов 2002 – *Виноградов В.Б.* «Российскость» как парадигма северокавказского историко-культурного единства в составе России // «Российскость» в истории Северного Кавказа. Армавир, 2002. С. 3–11.
- Гакаев 1997 – *Гакаев Дж.* Очерки политической истории Чечни (XX век). М.: Чеченский культурный центр, 1997. В 2-х ч. 473 с.
- Гапуров 2003а – *Гапуров Ш.А.* Россия и Чечня в первой четверти XIX века. Нальчик: Эль-Фа, 2003. 445 с.
- Гапуров 2003б – *Гапуров Ш.А.* Северный Кавказ в политике России в начале XIX века (1801–1815 годы). Нальчик: Эль-Фа, 2003. 483 с.
- Гапуров 2006 – *Гапуров Ш.А.* Актуальные проблемы истории Чечни в XVI–XIX веках // Чеченская Республика и чеченцы: история и современность. Материалы Всероссийской научной конференции. г. Москва, 19–20 апреля 2005 г. / Отв. ред. Х.И. Ибрагимов, В.А. Тишков. М.: Наука, 2006. С. 40–48.
- Гапуров 2009 – *Гапуров Ш.А., Абдурахманов Д.Б.* Россия и Чечня (последняя треть XVIII – первая половина XIX века). Грозный: Издательство АН ЧР, 2009. 520 с.
- Гапуров 2013 – *Гапуров Ш.А.* Россия и Чечня: этапы многовекового содружества // Россия и Кавказ: история и современность. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 1150-летию зарождения российской государственности. г. Грозный, 19–20 июня 2012 г. Махачкала, 2013. С. 3–11.
- Гапуров 2016 – *Гапуров Ш.А.* Чечня в период Кавказской войны (1818–1859 гг.). Грозный: Грозненский рабочий, 2016. 576 с.
- Гугов 1999 – *Гугов Р.Х.* Кабарда и Балкария в XVIII веке и их взаимоотношения с Россией. Нальчик: Эль-Фа, 1999. 685 с.
- Дегоев 2004 – *Дегоев В.В.* Внешняя политика России и международные системы 1700–1918 гг. Учебное пособие. М.: РОССПЭН, 2004. 496 с.
- Дегоев 2005 – *Дегоев В.В.* Война и политика в эпоху присоединения Кавказа к России (первая треть XIX в.) // Кавказский сборник. Т. 2 (34). М.: Русская панорама, 2005. С. 90–108.
- Дегоев 2009а – *Дегоев В.В.* Кавказ и великие державы 1829–1864 гг. Политика, война, дипломатия. М.: Рубежи XXI, 2009. 560 с.
- Дегоев 2009б – *Дегоев В.В.* Введение в политическую историю Северного Кавказа (XVI век – 1917 год): Учебное пособие. М.: Навона, 2009. 128 с.
- Дегоев 2011 – *Дегоев В.В.* Осетинский вопрос в политике Екатерины II. 60–70-е годы XVIII века // Кавказский сборник. Т. 7 (39). М.: Русская панорама, 2011. С. 75–117.
- Дегоев 2014 – *Дегоев В.В.* Кавказская война: предотвратимая неизбежность или неумолимость истории? [Электронный ресурс] URL: <http://www.iarex.ru/articles/51065.html> (Дата обращения 17.03.2025).
- Дзамихов 1994 – *Дзамихов К.Ф.* Адыги: вехи истории. Нальчик: Эльбрус, 1994. 165 с.
- Дзамихов 2000 – *Дзамихов К.Ф.* Адыги и Россия: Формы исторического взаимодействия. М.: Поматур, 2000. 286 с.
- Дзамихов 2001 – *Дзамихов К.Ф.* Адыги в политике России на Кавказе: (1550-е – начало 1770-х гг.). Нальчик: Эль-Фа, 2001. 408 с.
- Дзамихов 2007 – *Дзамихов К.Ф.* Кабарда и Россия в политической истории Кавказа XVI–XVII вв. (исследования и материалы). Нальчик: КБГУ, 2007. 325 с.

Дзамихов 2017 – Дзамихов К.Ф. «В службе и обороне...». Кабарда и Российское государство: эпоха военно-политического сотрудничества (1550-е – начало 1770-х годов). Нальчик: ИГИ КБНЦ РАН, 2017. 356 с.

Дзамихов 2018 – Дзамихов К.Ф. Адыги (черкесы) в истории России XVI–XVIII вв. История в лицах. Нальчик: Изд-во КБНЦ РАН, 2018. 200 с.

Дидигов 2010 – Дидигов Т.А. Интеграция чеченского народа в российском государстве: историко-политологический процесс: автореферат дис. ... кандидата политических наук: 23.00.02. М., 2010. С.3.

Документы по истории адыгов 2011 – Документы по истории адыгов 20–50-х годов XIX в. (по материалам ЦГА КБР) / Сост. З.М. Кешева. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2011. 201 с.

Думанов 2001 – Думанов Х.М. Из истории кабардино-русских отношений // Политика и право в сфере этногосударственных отношений Кабардино-Балкарии / Сост. С.И. Аккиева Х.М. Думанов. М., Нальчик, 2001. Т. 1. С. 59–63.

История Дагестана 2004 – История Дагестана с древнейших времен до наших дней: в 2 т. Т. 1: История Дагестана с древнейших времен до XX века. М.: Наука, 2004. 626 с.

История Ингушетии 2013 – История Ингушетии: Коллективная монография / Отв. ред. Н.Д. Кодзоев. Ростов-на-Дону: Южный издательский дом, 2013. 600 с.

История многовекового содружества 2007 – История многовекового содружества: К 450-летию союза и единения народов Кабардино-Балкарии и России / Отв. ред. Б.Х. Бгажноков. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2007. 720 с.

История многовековых взаимоотношений 2009 – История многовековых взаимоотношений и единения народов Дагестана с Россией: к 150-летию окончательного вхождения Дагестана в состав России / Отв. ред. А.И. Османов. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2009. 752 с.

История Осетии 2012 – История Осетии: в 2-х томах. Т. 1. / Гл. ред. З.В. Канукова. Владикавказ: СОИГСИ, 2012. 498 с.

История Северо-Осетинской 1987 – История Северо-Осетинской АССР: С древнейших времен до наших дней: в 2-х т. Т. 1 / Гл. ред. А.П. Новосельцев. Орджоникидзе: Ир, 1987. 529 с.

История Чечни 2006 – История Чечни с древнейших времен до наших дней: В 2 т. Т. I. История Чечни с древнейших времен до конца XIX века. Грозный: Кн. изд-во, 2006. 826 с.

История Чечни 2016 – История Чечни с древнейших времен до наших дней: В 4-х т. Т. II. История Чечни. XVI–XVIII вв. / Отв. редактор Я.З. Ахмадов. Грозный: Грозненский рабочий, 2016. 624 с.

Кавказоведческая школа 2002 – Кавказоведческая школа В. Б. Виноградова: становление, современность, перспективы / Сост. Басов И.И. Армавир: б. и., 2002. 23 с.

Калмыков 2009 – Калмыков Ж.А. Размышления историка. В поисках истины. Нальчик: Респ. полиграфкомбинат им. Революции 1905 года, 2009. 334 с.

Карачаевцы. Балкарцы 2014 – Карачаевцы. Балкарцы / Отв. ред. М.Д. Каракетов, Х.-М.А. Сабанчиев. М.: Наука, 2014. 815 с.

Клычников 2018 – Клычников Ю.Ю. Совместничество: ретроспективный анализ специфики русско-северокавказских отношений. Пятигорск: Ъ, 2018. 106 с.

Кобахидзе 2003 – Кобахидзе Е.И. Осетия в системе государственно-административного управления Российской империи (последняя четверть XVIII – конец XIX в.): Историко-этнологический анализ. Владикавказ: СОГУ, 2003. 236 с.

Кобахидзе 2010 – Кобахидзе Е.И. «Не единою силою оружия...». Осетия конца XVIII – начала XX в.: опыт исторического взаимодействия традиционного и государственно-административного управления. Владикавказ: СОИГСИ, 2010. 452 с.

Кучинаев 2004 – Кучинаев М.Ю. История Балкарии с древнейших времен и до конца XX в.: в 2-х кн. Нальчик: Эль-Фа, 2004. Кн. 1. 414 с. Кн. 2. 664 с.

Мальсагов 2003 – Мальсагов А.У. Ингуши. История и века родословий. Нальчик: Эль-Фа, 2003. 420 с.

Маремкулов 2003 – Маремкулов А.Н. Основы геополитики Российского государства на Северном Кавказе в XVIII – начале XIX века: политико-правовой аспект. Нальчик: Эльбрус, 2003. 150 с.

Матвеев 2006 – Матвеев В.А. Россия и Северный Кавказ: исторические особенности формирования государственного единства (вторая половина XIX – начало XX в.). Ростов-на-Дону: Книга, 2006. 253 с.

- Муратова 2007 – *Муратова Е.Г.* Социально-политическая история Балкарии XVII–нач. XX в. Нальчик: Эль-фа, 2007. 420 с.
- Муратова 2010 – *Муратова Е.Г.* Историографические итоги изучения истории Балкарии XVII–XIX веков // Кавказский сборник. Т. 6 (38) / Под ред. В.В. Дегоева. М.: НП ИД «Русская панорама», 2010. С. 147–156.
- Муратова 2012 – *Муратова Е.Г.* Балкарские общества на пути от традиций к современности (XVII – начало XX в.). Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2012. 157 с.
- Муратова 2016 – *Муратова Е.Г.* История Балкарии XVII–XIX вв. в документах Архивного фонда РФ // Вестник архивиста. 2016. № 2. С. 8–21.
- Муратова Хаширов 2019 – *Муратова Е.Г., Хаширов А.В.* Георгий Арсеньевич Емануэль и народы Центрального Кавказа (1826–1831) // Электронный журнал «Кавказология». 2019. № 3. С. 96–114.
- Напсо Чекменев 1993 – *Напсо Д.А., Чекменев С.А.* Надежда и доверие. Из истории дружественных связей народов Карачаево-Черкесии с русским народом. Черкесск: Стелла, 1993. 319 с.
- Национальный вопрос 1989 – Национальный вопрос и межнациональные отношения в СССР: история и современность. Материалы «круглого стола» // Вопросы истории. 1989. № 5. С. 3–97.
- Российско-сеveroкавказские отношения 2011 – Российско-сеveroкавказские отношения в XVIII веке: Сборник документов / Сост. И.И. Якубова. Нальчик: КБИГИ, 2011. 195 с.
- Российское многонациональное 1995 – Российское многонациональное государство: формирование и пути исторического развития // История и историки. М.: Наука, 1995. С. 6–167.
- Российскость 1999 – Российскость: понятие, содержание, историческая реальность (на примере Кавказе) / Под. ред. В.Б. Виноградова. Армавир, 1999. 21 с.
- Россия-Ингушетия: 245 – Россия-Ингушетия: 245: Сборник статей по истории и культуре ингушского народа / Отв. ред. и сост.: З.М.-Т. Дзарахова. Ростов-на-Дону: Южный издательский дом, 2015.
- Россия и народы 2018 – Россия и народы Северного Кавказа в XVI – середине XIX века: социокультурная дистанция и движение к государственно-политическому единству Нальчик: ИГИ КБНЦ РАН, 2018. 268 с.
- Россия и Северный Кавказ 1998 – Россия и Северный Кавказ: 400 лет войны? // Отечественная история. 1998. № 5. С. 122–132.
- Сабанчиев 2019 – *Сабанчиев Х.-М.А.* Историография и терминология проблемы вхождения Балкарии в состав России // История народов Кавказа: диалог культур, языков и религий (К 100-летию со дня рождения профессора В.П. Невской): материалы международной научно-практической конференции (г. Ставрополь, 1–2 ноября 2019 г.). Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2019. С. 100–105.
- Сигаури 1997 – *Сигаури И.М.* Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времен. М.: Русская жизнь, 1997. 366 с.
- Тебуев Хатуев 2002 – *Тебуев Р.С., Хатуев Р.Т.* Очерки истории карачаево-балкарцев. М.: Илекса; Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 2002. 224 с.
- Тишков 2001 – *Тишков В.А.* Общество в вооруженном конфликте: Этнография чеченской войны. 2. испр. изд. М.: Наука, 2001. 551 с.
- Тотоев 1993 – *Тотоев Ф.В.* К истории русско-осетинских отношений // Отчизна. Владикавказ, 1993. № 12. С. 1.
- Трепавлов 2005 – *Трепавлов В.В.* Русско-кавказские отношения в XVI–XVIII вв.: историческая реальность и историографические схемы // Россия и Кавказ: история и современность. Материалы научной конференции, 11–12 ноября 2004 года / Сост. В.Д. Дзидзоев. Владикавказ: ИПП им. В.А. Гассиева, 2005. С. 265–273.
- Трепавлов 2006 – *Трепавлов В.В.* Присоединение народов к России и установление российского подданства (проблемы методологии изучения) // Этнокультурное взаимодействие в Евразии: программа фундаментальных исследований Президиума Российской академии наук. Сборник статей в 2 кн. М., 2006. Кн. 2. С. 198–205.
- Трепавлов 2007а – *Трепавлов В.В.* «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М.: Восточная лит. РАН, 2007. 253 с.
- Трепавлов 2007б – *Трепавлов В.В.* «Добровольные вхождения в состав России»: торжественные юбилеи и историческая действительность // Вопросы истории. 2007. № 11. С. 155–163.

Трепавлов 2011 – *Трепавлов В.В.* Россия и народы Кавказа: проблемы цивилизационного взаимодействия // История народов России в исследованиях и документах. Материалы научно-практической конференции «Россия на Кавказе: три века политической истории», посвященной 260-летию установления российско-осетинских отношений. Москва, 24 ноября 2009 г. М.: ИРИ РАН, 2011. Вып. 5. С. 8–14.

Харсиев 2013 – *Харсиев Б.М.-Г.* Добровольное единение Ингушетии с Российской империей по договору 1770 г. // Россия и Кавказ: история и современность. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 1150-летию зарождения российской государственности. г. Грозный, 19–20 июня 2012 г. Махачкала, 2013. С. 724–725.

Цуциев 2006 – *Цуциев А.А.* Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). М.: Европа, 2006. 128 с.

Цуциев 2014 – *Цуциев А.А.* Присоединение Кабарды к Русскому государству как историко-идеологический и картографический сюжет // Бюллетень Владикавказского института управления. 2014. № 44. С. 256–275.

Чеченская Республика 2006 – Чеченская Республика и чеченцы: история и современность. Материалы Всероссийской научной конференции. г. Москва, 19–20 апреля 2005 г. / Отв. ред. Х.И. Ибрагимов, В.А. Тишков. М.: Наука, 2006. 575 с.

Чеченцы 1996 – Чеченцы: история и современность / Сост. Ю.А. Айдаева. М.: Мир дому твоему, 1996. 352 с.

Чибиров 2010 – *Чибиров Л.А.* Россия и исторические судьбы осетинского народа // Россия и Кавказ. Материалы Международной юбилейной научной конференции, посвященной 235-летию присоединения Осетии к России, 150-летию со дня рождения К.Л. Хетагурова, 225-летию основания г. Владикавказа. Владикавказ, 6–7 октября 2009. Владикавказ, 2010.

Якубова 2005 – *Якубова И.И.* «Кабардинский» вопрос в русско-турецких отношениях в середине XVIII в. // Исторический вестник. Нальчик: КБИГИ, 2005. Вып. II. С. 114–125.

References

Adygskaya (cherkesskaya) enciklopediya / Glav. red. M.A. Kumahov [Adyghe (Circassian) encyclopedia / Chapter. ed. M.A. Kumakhov]. Moscow: Fond im. B.H. Akbasheva, 2006. 1247 p.

BARAZBIEV M.I. *Karachaj i Balkariya v Kavkazskoj vojne* [Karachay and Balkaria in the Caucasian War]. IN: *Istoricheskij vestnik*. 2005. № 2. P. 126–140.

BATCHAEV V.M. *Balkariya v XV – nachale XIX vv.* [Balkaria in the 15th – early 19th centuries]. M.: TAS-Izdat, 2006. 190 p.

BEGEULOV R.M. *Karachaj v Kavkazskoj vojne XIX veka* [Karachay in the Caucasian War of the 19th Century]. Cherkessk, 2002. 178 p.

BLIEV M.M. *Osetinskoe posol'stvo v Peterburge 1749–1752 gg. Prisoedinenie Osetii k Rossii* [Ossetian embassy in St. Petersburg 1749–1752. Annexation of Ossetia to Russia]. Vladikavkaz: Izdatel'sko-poligraficheskoe predpriyatie im V. Gassieva, 2010. 236 p.

BLIEV M.M. *Osetiya, Kavkaz: istoriya i sovremennost'* [Ossetia, the Caucasus: history and modernity]. Vladikavkaz: SOGU, 1999. 330 p.

BLIEV M.M. *Rossiya i gorcy Bol'shogo Kavkaza na puti k civilizacii* [Russia and the Highlanders of the Greater Caucasus on the Path to Civilization]. Moscow: Mysl', 2004. 877 p.

BLIEVA Z.M. *Rossijskij byurokraticheskij apparat i narody Central'nogo Kavkaza v konce XVIII – 80-e gody XIX veka*. Vladikavkaz: SOGU, 2001. 266 p.

BLIEVA Z.M. *Russko-chechenskie otnosheniya v HVII – HVIII vv.* IN: *Voprosy istorii*. 2003. No 12. P. 47–61.

BLIEVA Z.M. *Upravlenie Osetiej v 30–50-e gody XIX v.* [Governance of Ossetia in the 1830s–1850s] IN: *Istoriya narodov Rossii v issledovaniyah i dokumentah. Materialy nauchno-prakticheskoy konferencii «Rossiya na Kavkaze: tri veka politicheskoy istorii», posvyashchennoj 260-letiyu ustanovleniya rossijsko-osetinskih otnoshenij*. Moskva, 24 noyabrya 2009 g. Moscow, 2011. Iss. 5. P. 83–102.

BOROV A.H., MURATOVA E.G. *Severnyj Kavkaz v sovremenom obshchestvennom dis-kurse* [The North Caucasus in contemporary public discourse] IN: *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2011. No 4. P. 157–166.

BZAROV R.S. *Osetinskoe posol'stvo 1749 g. i sovremennost'* [The Ossetian Embassy of 1749 and the present day]. IN: *Nauchnoe Obshchestvo Kavkazovedov: Website*. URL: <http://>

www.kavkazoved.info/pview/2011/07/11/osetinskoe-posolstvo-1749-i-sovremennost.html (Date of access: 27.02.2025).

BZAROV R.S. *Sostav i principy formirovaniya Osetinskogo posol'stva 1749–1752 gg. v Rossii* [Composition and principles of formation of the Ossetian Embassy in Russia in 1749–1752] IN: *Istoriya narodov Rossii v issledovaniyah i dokumentah. Materialy nauchno-prakticheskoy konferencii «Rossiya na Kavkaze: tri veka politicheskoy istorii», posvyashchennoj 260-letiyu ustanovleniya rossijsko-osetinskih otnoshenij*. Moskva, 24 noyabrya 2009 g. Moscow, 2011. Is. 5. P. 15–34.

Chechency: istoriya i sovremennost' / Sost. YU. A. Ajdaeva [Chechens: History and Modernity / Comp. Yu. A. Aidaeva]. Moscow: Mir domu tvoemu, 1996. 352 p.

Chechenskaya Respublika i chechency: istoriya i sovremennost'. Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii. g. Moskva, 19–20 aprelya 2005 g. / Otv. red. H.I. Ibragimov, V.A. Tishkov. [Чеченская Республика и чеченцы: история и современность: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference. Moscow, April 19–20, 2005 / Eds. Kh. I. Ibragimov, V. A. Tishkov]. Moscow: Nauka, 2006. 575 p.

CHIBIROV L.A. *Rossiya i istoricheskie sud'by osetinskogo Naroda* [Russia and the historical destinies of the Ossetian people] IN: *Rossiya i Kavkaz. Materialy Mezhdunarodnoj yubilejnoj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj 235-letiyu prisoedineniya Osetii k Rossii, 150-letiyu so dnya rozhdeniya K.L. Hetagurova, 225-letiyu osnovaniya g. Vladikavkaza. Vladikavkaz, 6–7 oktyabrya 2009*. Vladikavkaz, 2010.

CUCIEV A.A. *Atlas etnopoliticheskoy istorii Kavkaza (1774–2004)* [Atlas of the Ethnopolitical History of the Caucasus (1774–2004)]. Moscow: Evropa, 2006. 128 p.

CUCIEV A.A. *Prisoedinenie Kabardy k Russkomu gosudarstvu kak istoriko-ideologicheskij i kartograficheskij syuzhet* [The annexation of Kabarda to the Russian state as a historical, ideological and cartographic plot] IN: *Byulleten' Vladikavkazskogo instituta upravleniya*. 2014. No 44. P. 256–275.

DEGOEV V.V. *Kavkaz i velikie derzhavy 1829–1864 gg. Politika, vojna, diplomatiya* [The Caucasus and the Great Powers 1829–1864. Politics, War, Diplomacy]. Moscow: Rubezhi XXI, 2009. 560 p.

DEGOEV V.V. *Kavkazskaya vojna: predotvratimaya neizbezhnost' ili neumolimost' istorii?* [The Caucasian War: Preventable Inevitability or the Inexorability of History?]. [Electronic resource] URL: <http://www.iarex.ru/articles/51065.html> (Accessed 17.03.2025).

DEGOEV V.V. *Osetinskij vopros v politike Ekateriny II. 60–70-e gody XVIII veka* [The Ossetian question in the policy of Catherine II. 1760s–1770s] IN: *Kavkazskij sbornik*. Vol. 7 (39). Moscow: Russkaya panorama, 2011. P. 75–117.

DEGOEV V.V. *Vneshnyaya politika Rossii i mezhdunarodnye sistemy 1700–1918 gg.* [Russian Foreign Policy and International Systems 1700–1918]. Moscow: ROSSPEN, 2004. 496 p.

DEGOEV V.V. *Vojna i politika v epohu prisoedineniya Kavkaza k Rossii (pervaya tret' XIX v.)* [War and Politics in the Era of the Annexation of the Caucasus to Russia (First Third of the 19th Century)]. IN: *Kavkazskij sbornik*. Vol. 2 (34). Moscow: Russkaya panorama, 2005. P. 90–108.

DEGOEV V.V. *Vvedenie v politicheskuyu istoriyu Severnogo Kavkaza (XVI vek – 1917 god)* [Introduction to the political history of the North Caucasus (16th century – 1917)]. Moscow: Navona, 2009. 128 p.

DIDIGOV T.A. *Integraciya chechenskogo naroda v rossijskom gosudarstve: istoriko-politologicheskij process: avtoreferat dis. ... kandidata politicheskikh nauk: 23.00.02.* [Integration of the Chechen people in the Russian state: historical and political process: abstract of the dissertation... candidate of political sciences: 23.00.02]. Moscow, 2010.

Dokumenty po istorii adygov 20–50-h godov XIX v. (po materialam CGA KBR) / Sost. Z.M. Kesheva [Documents on the history of the Adyghe people of the 1820s–1850s (based on materials from the Central State Archives of the Kabardino-Balkarian Republic) / Comp. Z.M. Kesheva]. Nal'chik: Izdatel'skij otdel KBIGI, 2011. 201 p.

DUMANOV H.M. *Iz istorii kabardino-russkikh otnoshenij* [From the history of Kabardino-Russian relations] IN: *Politika i pravo v sfere etnogosudarstvennyh otnoshenij Kabardino-Balkarii / Sost. S.I. Akkieva H.M. Dumanov*. M., Nal'chik, 2001. Vol. 1. P. 59–63.

DZAMIHOV K.F. *Adygi: vekhi istorii* [Adyghe: Milestones in History]. Nal'chik: El'brus, 1994. 165 p.

DZAMIHOV K.F. *«V sluzhbe i oborone...». Kabarda i Rossijskoe gosudarstvo: epoha voenno-politicheskogo sotrudnichestva (1550-e – nachalo 1770-h godov)* [“In Service and

Defense...” Kabarda and the Russian State: The Era of Military-Political Cooperation (1550s – Early 1770s)]. Nal’chik: IGI KBNC RAN, 2017. 356 p.

DZAMIHOV K.F. *Adygi (cherkesy) v istorii Rossii XVI–XVIII vv. Istoriya v lichah* [Adyghe (Circassians) in the history of Russia in the 16th–18th centuries. History in faces]. Nal’chik: Izd-vo KBNC RAN, 2018. 200 p.

DZAMIHOV K.F. *Adygi i Rossiya: Formy istoricheskogo vzaimodejstviya* [Adyghe and Russia: Forms of Historical Interaction]. M.: Pomatur, 2000. 286 p.

DZAMIHOV K.F. *Adygi v politike Rossii na Kavkaze: (1550-e – nachalo 1770-h gg.)* [Adyghe in Russian politics in the Caucasus: (1550s – early 1770s)]. Nal’chik: El’-Fa, 2001. 408 p.

DZAMIHOV K.F. *Kabarda i Rossiya v politicheskoy istorii Kavkaza XVI–XVII vv. (issledovaniya i materialy)* [Kabarda and Russia in the Political History of the Caucasus in the 16th–17th Centuries (Research and Materials)]. Nal’chik: KBGU, 2007. 325 p.

GAKAEV DZH. *Ocherki politicheskoy istorii Chechni (XX vek)* [Essays on the political history of Chechnya (20th century)]. Moscow: Chechenskij kul’turnyj centr, 1997. In 2 parts. 473 p.

GAPUROV SH.A. *Aktual’nye problemy istorii Chechni v XVI–XIX vekah* [Current issues in the history of Chechnya in the 16th–19th centuries] IN: *Chechenskaya Respublika i chechency: istoriya i sovremennost’*. Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii. g. Moskva, 19–20 aprelya 2005 g. / Otv. red. H.I. Ibragimov, V.A. Tishkov. Moscow: Nauka, 2006. P. 40–48.

GAPUROV SH.A. *Chechnya v period Kavkazskoj vojny (1818–1859 gg.)* [Chechnya during the Caucasian War (1818–1859)]. Groznyj: Groznenskiy rabochij, 2016. 576 p.

GAPUROV SH.A. *Rossiya i Chechnya v pervoj chetverti XIX veka* [Russia and Chechnya in the first quarter of the 19th century]. Nal’chik: El’-Fa, 2003. 445 p.

GAPUROV SH.A. *Rossiya i Chechnya: etapy mnogovekovogo sodruzhestva* [Russia and Chechnya: stages of a centuries-long partnership] IN: *Rossiya i Kavkaz: istoriya i sovremennost’*. Sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj 1150-letiyu zarozhdeniya rossijskoj gosudarstvennosti. g. Groznyj, 19–20 iyunya 2012 g. Mahachkala, 2013. P. 3–11.

GAPUROV SH.A. *Severnyj Kavkaz v politike Rossii v nachale XIX veka (1801–1815 gody)* [The North Caucasus in Russian politics at the beginning of the 19th century (1801–1815)]. Nal’chik: El’-Fa, 2003. 483 p.

GAPUROV SH.A., ABDURAHMANOV D.B. *Rossiya i Chechnya (poslednyaya tret’ XVIII – pervaya polovina XIX veka)* [Russia and Chechnya (last third of the 18th – first half of the 19th century)]. Groznyj: Izdatel’stvo AN CHR, 2009. 520 p.

GUGOV R.H. *Kabarda i Balkariya v XVIII veke i ih vzaimootnosheniya s Rossiej* [Kabarda and Balkaria in the 18th century and their relationship with Russia]. Nal’chik: El’-Fa, 1999. 685 p.

HARSIEV B.M.-G. *Dobrovol’noe edinenie Ingushetii s Rossijskoj imperiej po dogovoru 1770 g.* [Voluntary unification of Ingushetia with the Russian Empire under the treaty of 1770] IN: *Rossiya i Kavkaz: istoriya i sovremennost’*. Sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj 1150-letiyu zarozhdeniya rossijskoj gosudarstvennosti. g. Groznyj, 19–20 iyunya 2012 g. Mahachkala, 2013. P. 724–725.

Istoriya Chechni s drevnejshih vremen do nashih dnei: V 2 t. T. I. Istoriya Chechni s drevnejshih vremen do konca XIX veka [History of Chechnya from ancient times to the present day: In 2 vol. Vol. I. History of Chechnya from ancient times to the end of the 19th century]. Groznyj: Kn. izd-vo, 2006. 826 p.

Istoriya Chechni s drevnejshih vremen do nashih dnei: V 4-h t. T. II. Istoriya Chechni. XVI–XVIII vv. / Otv. redaktor YA.Z. Ahmadov [History of Chechnya from ancient times to the present day: In 4 vol. Vol. II. History of Chechnya. 16th – 18th centuries / Ed.Z. Akhmadov]. Groznyj: Groznenskiy rabochij, 2016. 624 p.

Istoriya Dagestana s drevnejshih vremen do nashikh dnei [History of Dagestan from ancient times to the present day]. Moscow: Nauka, 2004. Vol. 1. 626 p.

Istoriya Ingushetii / Otv. red. N.D. Kodzoev [History of Ingushetia / Ed. N.D. Kodzoev]. Rostov-na-Donu: Yuzhnyj izdatel’skiy dom, 2013. 600 p.

Istoriya mnogovekovogo sodruzhestva: K 450-letiyu soyuza i edineniya narodov Kabardino-Balkarii i Rossii / Otv. red. B.H. Bgazhnokov [History of the centuries-old commonwealth: On the 450th anniversary of the union and unity of the peoples of Kabardino-Balkaria and Russia / Ed. B.Kh.Bgazhnokov]. Nal’chik: Izd-vo M. i V. Kotlyarovyh, 2007. 720 p.

Istoriya mnogovekovyh vzaimootnoshenij i edineniya narodov Dagestana s Rossiej: k 150-letiyu okonchatel’nogo vhozhdeniya Dagestana v sostav Rossii / Otv. red. A.I. Osmanov [The history of centuries-old relations and unity of the peoples of Dagestan with Russia: on the

150th anniversary of Dagestan's final entry into Russia / Ed. A. I. Osmanov]. Mahachkala: IIAE DNC RAN, 2009. 752 p.

Istoriya Osetii: v 2-h tomah. T. 1. / Gl. red. Z.V. Kanukova [History of Ossetia: in 2 volumes. Vol. 1. / Ed. Z.V. Kanukova]. Vladikavkaz: SOIGSI, 2012. 498 p.

Istoriya Severo-Osetinskoj ASSR: S drevnejshih vremen do nashih dnei: v 2-h t. T. 1 / Gl. red. A.P. Novosel'cev [History of the North Ossetian ASSR: From ancient times to the present day: in 2 volumes. Vol. 1 / Ed. A.P. Novoseltsev]. Ordzhonikidze: Ir, 1987. 529 p.

KALMYKOV ZH. A. *Razmyshleniya istorika. V poiskah istiny* [Reflections of a Historian: In Search of Truth]. Nal'chik: Resp. poligrafkombinat im. Revolyucii 1905 goda, 2009. 334 p.

Karachaevcy. Balkarcy / Otv. red. M.D. Karaketov [Karachais. Balkars / Rep. ed. M.D. Karaketov]. Moscow: Nauka, 2014. 815 p.

Kavkazovedcheskaya shkola V.B. Vinogradova: stanovlenie, sovremennost', perspektivy / Sost. Basov I.I. [V. B. Vinogradov's Caucasian School: Formation, Modernity, Prospects / Comp. Basov I.I.] Armavir: b. i., 2002. 23 p.

KLYCHNIKOV YU. YU. *Sovmestnichestvo: retrospektivnyj analiz specifiki russko-severo-kavkazskih otnoshenij* [Collaboration: A Retrospective Analysis of the Specifics of Russian-North Caucasian Relations]. Pyatigorsk: Ъ, 2018. 106 p.

KOBAHIDZE E.I. «*Ne edinoyu siloyu oruzhiya...*». *Osetiya konca XVIII – nachala XX v.: opyt istoricheskogo vzaimodejstviya tradicionnogo i gosudarstvenno-administrativnogo upravleniya* [“Not by force of arms alone...” Ossetia in the late 18th – early 20th centuries: an experience of historical interaction between traditional and state-administrative governance]. Vladikavkaz: SOIGSI, 2010. 452 p.

KOBAHIDZE E.I. *Osetiya v sisteme gosudarstvenno-administrativnogo upravleniya Rossijskoj imperii (poslednyaya chetvert' XVIII – konec XIX v.): Istoriko-etnologicheskij analiz* [Ossetia in the system of state and administrative governance of the Russian Empire (last quarter of the 18th – end of the 19th century): Historical and ethnological analysis]. Vladikavkaz: SOGU, 2003. 236 p.

KUCHINAEV M.YU. *Istoriya Balkarii s drevnejshih vremen i do konca XX v.: v 2-h kn.* [History of Balkaria from ancient times to the end of the 20th century: in 2 books]. Nal'chik: El'-Fa, 2004.

MAL'SAGOV A.U. *Ingushi. Istoriya i veka rodoslovij* [Ingush. History and centuries of genealogy]. Nal'chik: El'-Fa, 2003. 420 p.

MAREMKULOV A.N. *Osnovy geopolitiki Rossijskogo gosudarstva na Severnom Kavkaze v XVIII – nachale XIX veka: politiko-pravovoj aspekt* [Fundamentals of the geopolitics of the Russian state in the North Caucasus in the 18th – early 19th centuries: political and legal aspects]. Nal'chik: El'brus, 2003. 150 p.

MATVEEV V.A. *Rossiya i Severnyj Kavkaz: istoricheskie osobennosti formirovaniya gosudarstvennogo edinstva (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [Russia and the North Caucasus: historical features of the formation of state unity (second half of the 19th – early 20th centuries)]. Rostov-na-Donu: Kniga, 2006. 253 p.

MURATOVA E.G. *Social'no-politicheskaya istoriya Balkarii XVII – nachala XX v.* [Sociopolitical history of Balkaria XVII – early XX centuries]. Nal'chik: El'-Fa, 2007. 419 p.

MURATOVA E.G. *Istoriograficheskie itogi izucheniya istorii Balkarii XVII–XIX vekov* [Historiographical results of the study of the history of Balkaria in the 17th-19th centuries] IN: *Kavkazskij sbornik*. Vol.6 (38) / Ed. V.V. Degoeva. M.: NP ID «Russkaya panorama», 2010. P. 147–156.

MURATOVA E.G. *Balkarskie obshchestva na puti ot tradicij k sovremennosti (XVII – nachalo XX v.)* [Balkar societies on the way from traditions to modernity (17th – early 20th centuries)]. Nal'chik: Kab.-Balk. un-t, 2012. 157 p.

MURATOVA E.G. *Istoriya Balkarii XVII–XIX vv. v dokumentah Arhivnogo fonda RF* [History of Balkaria in the 17th–19th centuries in the documents of the Archival Fund of the Russian Federation] IN: *Vestnik arhivista*. 2016. No 2. P. 8–21.

MURATOVA E.G., HASHIROV A.V. *Georgij Arsen'evich Emanuel' i narody Central'nogo Kavkaza (1826–1831)* [Georgy Arsenyevich Emanuel and the peoples of the Central Caucasus (1826–1831)] IN: *Elektronnyj zhurnal «Kavkazologiya»*. 2019. No 3. P. 96–114.

Nacional'nyj vopros i mezhnacional'nye otnosheniya v SSSR: istoriya i sovremennost'. Materialy «kruglogo stola» [The National Question and Interethnic Relations in the USSR: History and Present. Proceedings of the Roundtable] IN: *Voprosy istorii*. 1989. No 5. P. 3–97.

NAPSO D.A., CHEKMENEV S.A. *Nadezhda i doverie. Iz istorii družhestvennyh svyazej narodov Karachaevsko-Cherkessii s russkim narodom* [Hope and Trust: From the History of

Friendly Ties between the Peoples of Karachay-Cherkessia and the Russian People]. Cherkessk: Stella, 1993. 319 p.

Rossijsko-severokavkazskie otnosheniya v HVIII veke: Sbornik dokumentov / Sost. I.I. Yakubova [Russian-North Caucasian Relations in the 18th Century: Collection of Documents / Comp. I.I. Yakubova]. Nal'chik: KBIGI, 2011. 195 p.

Rossijskoe mnogonacional'noe gosudarstvo: formirovanie i puti istoricheskogo razvitiya [The Russian multinational state: formation and paths of historical development] IN: *Istoriya i istoriki*. Moscow: Nauka, 1995. P. 6–167.

Rossiyskost': ponyatie, sodержanie, istoricheskaya real'nost' (na primere Kavkaze) / Pod. red. V.B. Vinogradova [Russianness: concept, content, historical reality (using the Caucasus as an example) / Ed. by V.B. Vinogradov]. Armavir, 1999. 21 p.

Rossiya - Ingushetiya: 245: Cbornik statej po istorii i kul'ture ingushskogo naroda / Otv. red. i sost.: Z.M.-T. Dzarahova [Russia – Ingushetia: 245: Collection of articles on the history and culture of the Ingush people / Res. Ed. Z.M.-T. Dzarakhova]. Rostov-na-Donu: Yuzhnyj izdatel'skij dom, 2015. 302 p.

Rossiya i narody Severnogo Kavkaza v XVI – seredine XIX veka: sociokul'turnaya distanciya i dvizhenie k gosudarstvenno-politicheskomu edinstvu: monografiya / Dzamihov K.F., Borov A.H. i dr. [Russia and Peoples 2018 – Russia and the Peoples of the North Caucasus in the 16th – mid-19th centuries: socio-cultural distance and movement towards state-political unity: monograph / Dzamikhov K.F., Borov A.Kh. and others]. Nal'chik: Redakcionno-izdatel'skij ot-del IGI KBNC RAN, 2018. 268 p.

Rossiya i Severnyj Kavkaz: 400 let vojny? [Russia and the North Caucasus: 400 years of war?] IN: *Otechestvennaya istoriya*. 1998. No 5. P. 122–132.

SABANCHIEV H.-M.A. *Istoriografiya i terminologiya problemy vhozhdeniya Balkarii v sostav Rossii* [Historiography and terminology of the problem of Balkaria's entry into Russia]. IN: *Istoriya narodov Kavkaza: dialog kul'tur, yazykov i religij (K 100-letiyu so dnya rozhdeniya professora V.P. Nevskoj): materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [History of the peoples of the Caucasus: dialogue of cultures, languages and religions (On the 100th anniversary of the birth of Professor V.P. Nevskaya): materials of the international scientific and practical conference (Stavropol, November 1–2, 2019)]. Stavropol': Izd-vo SKFU, 2019. P. 100–105.

SIGAURI I.M. *Ocherki istorii i gosudarstvennogo ustrojstva chechencev s drevnejshih vremen* [Essays on the history and state structure of the Chechens from ancient times]. Moscow: Russkaya zhizn', 1997. 366 p.

TEBUEV R.S., HATUEV R.T. *Ocherki istorii karachaevo-balkarcev* [Essays on the history of the Karachay-Balkars]. M.: Ileksa.-Stavropol': Stavropol'servisskola, 2002. 224 p.

TISHKOV V.A. *Obshchestvo v vooruzhennom konflikte: Etnografiya chechenskoy vojny* [Society in Armed Conflict: Ethnography of the Chechen War]. Moscow: Nauka, 2001. 551 p.

TOTOEV F.V. *K istorii russko-osetinskih otnoshenij* [On the history of Russian-Ossetian relations] IN: *Otchizna. Vladikavkaz*, 1993. No 12. P. 1.

TREPAVLOV V.V. «Belyj car'»: obraz monarha i predstavleniya o poddanstve u narodov Rossii XV–XVIII vv. [“The White Tsar”: the image of the monarch and ideas about citizenship among the peoples of Russia in the 15th–18th centuries]. Moscow: Vostochnaya lit. RAN, 2007. 253 p.

TREPAVLOV V.V. «Dobrovol'nye vhozhdeniya v sostav Rossii»: torzhestvennye yubilei i istoricheskaya dejstvitel'nost' [“Voluntary accessions to Russia”: solemn anniversaries and historical reality] IN: *Voprosy istorii*. 2007. No 11. P. 155–163.

TREPAVLOV V.V. *Prisoedinenie narodov k Rossii i ustanovlenie rossijskogo poddanstva (problemy metodologii izucheniya)* [The accession of peoples to Russia and the establishment of Russian citizenship (problems of study methodology)] IN: *Etnokul'turnoe vzaimodejstvie v Evrazii: programma fundamental'nyh issledovanij Prezidiuma Rossijskoj akademii nauk. Sbornik statej v 2 kn.* Moscow, 2006. Book 2. P. 198–205.

TREPAVLOV V.V. *Rossiya i narody Kavkaza: problemy civilizacionnogo vzaimodejstviya* [Russia and the Peoples of the Caucasus: Problems of Civilizational Interaction] IN: *Istoriya narodov Rossii v issledovaniyah i dokumentah. Materialy nauchno-prakticheskoy konferencii «Rossiya na Kavkaze: tri veka politicheskoy istorii», posvyashchennoj 260-letiyu ustanovleniya rossijsko-osetinskih otnoshenij. Moskva, 24 noyabrya 2009 g.* Moscow: IRI RAN, 2011. Iss. 5. P. 8–14.

TREPAVLOV V.V. *Russko-kavkazskie otnosheniya v XVI–XVIII vv.: istoricheskaya real'nost' i istoriograficheskie skhemy* [Russian-Caucasian relations in the 16th–18th centuries: historical reality and historiographic schemes] IN: *Rossiya i Kavkaz: istoriya i sovremennost'*.

Materialy nauchnoj konferencii, 11–12 noyabrya 2004 goda / Sost. V.D. Dzidzoev. Vladikavkaz: IPP im. V.A. Gassieva, 2005. P. 265–273.

Veka sovmestnoj istorii: narody Kabardino-Balkarii v rossijskom civilizacionnom processe (1557–1917 gg.). [Centuries of shared history 2017 – Centuries of shared history: the peoples of Kabardino-Balkaria in the Russian civilizational process (1557–1917)]. Nal'chik: Izdatel'skij otdel IGI KBNC RAN, 2017. 544 p.

VELIKAYA N.N. *Rossiyskost' kak paradigma izucheniya rossijsko-kavkazskogo edinstva* [Russianness as a paradigm for studying Russian-Caucasian unity] IN: *Yuzhnorossiyskoe obozrenie*. 2007. No 45. P. 88–101.

VINOGRADOV V.B. *«Rossiyskost'» kak paradigma severokavkazskogo istoriko-kul'turnogo edinstva v sostave Rossii* [“Russianness” as a paradigm of North Caucasian historical and cultural unity within Russia] IN: *«Rossiyskost'» v istorii Severnogo Kavkaza*. Armavir, 2002. P. 3–11.

YAKUBOVA I.I. *«Kabardinskij» vopros v russko-tureckih otnosheniyah v seredine XVIII v.* [The “Kabardian” question in Russian-Turkish relations in the mid-18th century] IN: *Istoricheskij vestnik*. Nal'chik: KBIGI, 2005. Iss. II. P. 114–125.

Информация об авторах

К.Ф. Дзамихов – доктор исторических наук, профессор, директор Института гуманитарных исследований КБНЦ РАН, профессор кафедры всеобщей истории КБГУ;

Е.Г. Муратова – доктор исторических наук, профессор, старший научный сотрудник сектора средневековой и новой истории Института гуманитарных исследований КБНЦ РАН, профессор кафедры истории России и кавказоведения КБГУ.

Information about the authors

K.F. Dзамikhov – Doctor of Science (History), professor, Director of the Institute of Humanitarian Research, Professor of the Department of General History at Kabardino-Balkarian State University;

E.G. Muratova – Doctor of Science (History), professor, Senior Researcher of the Sector of Medieval and Modern History at the Institute of Humanitarian Research, Professor of the Department of Russian History and Caucasian Studies at Kabardino-Balkarian State University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.09.2025; одобрена после рецензирования 17.09.2025; принята к публикации 30.09.2025.

The article was submitted 02.09.2025; approved after reviewing 17.09.2025; accepted for publication 30.09.2025.